

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

ТЫ  
БЫЛ  
НЕ ТЕМ,  
ЗА КОГО  
Я ТЕБЯ  
ПРИНЯЛА

# ИЗМЕНА *без* ЛЮБОВНИЦЫ

18+

Анастасия Вежина

**Измена без любовницы**

«Автор»

2026

**Вежина А.**

Измена без любовницы / А. Вежина — «Автор», 2026

— Ты знал, чья я дочь, когда подошёл ко мне три года назад? Муж молчит. И этого молчания мне достаточно. Три года я была замужем за обычным инженером Марком Тихоновым. А потом пришла на работу в огромный холдинг и увидела его во главе стола совета директоров. Мой муж оказался крупнейшим акционером компании и сыном человека, чьё прошлое связано с гибелью репутации моего отца. Но деньги — не самое страшное. Марк с самого начала знал, кто я. Теперь мне предстоит провести независимую проверку его компании и разобраться в истории, которая шестнадцать лет назад разрушила нашу семью. Каждый найденный документ приближает меня к правде об отце — и одновременно заставляет заново отвечать на вопрос, который оказался страшнее любой измены: если наш брак начался с расчёта, была ли хотя бы любовь настоящей? Марк хочет получить второй шанс. А я сначала должна узнать, за кого на самом деле вышла замуж.

© Вежина А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 11 |
| Глава 3                           | 17 |
| Глава 4                           | 23 |
| Глава 5                           | 30 |
| Глава 6                           | 35 |
| Глава 7                           | 41 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 44 |

# Анастасия Вежина

## Измена без любовницы

### Глава 1

*Вера*

У Марка была привычка, которую я за три года выучила до мельчайших звуков: уходя рано утром, он никогда не закрывал замок ключом изнутри, чтобы не щелкать металлом и не будить меня. Он просто тихо притягивал тяжелую входную дверь, придерживая ручку до последнего глухого щелчка собачки.

В этот вторник он ушел в шесть утра. На кухонном столе осталась кружка с недопитым кофе, обрезки чертежной кальки и стикер, прижатый солонкой: «Буду в четверг к ночи. На объекте в Выборге опять полетела гидравлика цеха, связи может не быть. Люблю. Не забывай обедать».

Я стояла перед зеркалом в прихожей нашей съемной квартиры на Соколе, застегивала жемчужные пуговицы на манжетах строгой шелковой блузки и улыбалась этой записке. Мой муж был старшим инженером в небольшом проектном бюро. Он помнил наизусть марки тугоплавких сталей, вечно ходил в мягких фланелевых рубашках, пахнувших табаком и чертежной пылью, сам менял тормозные колодки на нашей старой «вольво» и искренне радовался, когда нам удавалось отложить лишние тридцать тысяч на досрочное погашение его потребительского кредита на оборудование.

Обычная, теплая, понятная жизнь. Жизнь, которую я выстроила собственными руками после того, как шестнадцать лет назад весь мой мир разлетелся на куски.

Ровно в десять утра я уже поднималась в скоростном лифте башни «МДК Групп» на тридцать второй этаж.

В ушах звенело от перепада высоты. Мой руководитель, партнер компании «Аверс Форензик» Павел Нестеров, поправлял галстук и негромко надиктовывал последние вводные: — Вера, соберись. Комитет по аудиту выбрал нас предварительно, но контракт еще не подписан. Банк поставил холдингу жесткое условие: продление кредитной линии на восемь миллиардов зависит от независимой финансовой проверки. Кредитор требует вскрыть все цепочки сомнительных закупок за последние три года. Руководство холдинга дергается, генеральный директор будет защищать свою поляну, но комитету нужны чистые цифры. Твой блок — методология выявления скрытых связей и анализ сомнительных поставщиков. Говори четко, без лишней теории. Только факты, алгоритмы и сроки.

— Я готова, Павел Андреевич, — спокойно ответила я, хотя ладони под кожаными папками были влажными.

Для меня этот проект был не просто шансом на повышение до руководителя практики. «Аверс» был элитным финансовым спецназом: мы приходили туда, где пахло выводом активов, поддельными накладными и тайными откатами. Я умела читать бухгалтерские базы так, словно это были признательные показания. Цифры никогда не врал. В отличие от людей.

Двери лифта бесшумно разошлись в сверкающий холл из темного гранита и матового стекла.

Зал заседаний совета директоров потрясал холодным, стерильным размахом. За огромным столом в форме вытянутой трапеции уже сидели люди: несколько директоров, секретарь правления, стенографистка, корпоративные юристы. В центре, шумно листая ежедневник в кожаном переплете, расположился Олег Павлович Ратников — генеральный директор «МДК Групп». Я знала его по официальным фотографиям в прессе: грузный мужчина за пятьдесят, с

тяжелым бульдожьим подбородком, цепким взглядом и манерами советского красного директора, упакованного в итальянскую шерсть. Напротив него сидела Ирина Воронцова — независимый директор и глава комитета по аудиту, безупречно прямая, сухопарая женщина с ледяным взглядом профессионального ревизора.

— Проходите, коллеги, — Воронцова кивнула нам, глянув на наручные часы. — У нас ровно сорок минут до начала закрытой части совета. Нам нужно утвердить график проверки и убедиться, что ваша команда готова к немедленному выходу на объекты. До подписания мандата мы обязаны закрыть протокол раскрытия конфликта интересов. Секретарь только что разложил закрытое приложение к структуре управления. Ознакомьтесь под роспись.

Я села по правую руку от Нестерова, раскрыла свой ноутбук и придвинула к себе тонкую серую папку с грифом «Конфиденциально». В ней лежал непубличный реестр ключевых бенефициаров и распределение ролей в совете директоров — то, чего не было в открытых базах ЕГРЮЛ из-за сложной структуры владения.

Я открыла первую страницу. Пробежала глазами вводный абзац. Перевернула лист.

Строка номер один: Председатель Совета директоров АО «МДК Групп». Владелец ключевого голосующего пакета акций. Тихонов Марк Дмитриевич.

Буквы на белом листе внезапно расплылись. В висках тяжело, глухо бухнула кровь.

«Тихонов Марк Дмитриевич». Совпадение. Просто дурацкое, нелепое совпадение фамилии, имени и отчества. Тихоновых в одной только Москве десятки тысяч. Мой Марк сейчас мерзнет на пыльном складе в Ленинградской области в старой синей парке с оторванной пуговицей, которую я обещала пришить в воскресенье...

Я опустила взгляд ниже, к графе личных данных и долей владения. Дата рождения: 14 мая 1993 года. Мой Марк. Дальше шла короткая архивная сноска об истории формирования стартового капитала: «Пакет сформирован в результате реорганизации активов промышленной группы после перехода прав от Черногорова Д.К.»

Черногоров.

Воздух в моих легких застыл, превратившись в колючую стекловату. Сердце пропустило удар, затем еще один, а потом сорвалось в безумную, оглушающую дробь.

Дмитрий Черногоров. Человек, который шестнадцать лет назад владел холдингом «Северный Контур». Человек, который публично назвал моего отца, Сергея Лаврова, вором и растратчиком, свалив на него вывод сотен миллионов рублей. Из-за этого обвинения у отца случился первый инфаркт. Из-за этого мы продали квартиру, дачу, мамины кольца, чтобы отдать долги, которых отец не делал. Из-за этого отец семь лет назад умер в полутемной комнате хрущевки, так и не дождавшись, пока хоть кто-то снимет с его имени несмываемое клеймо позора.

«Тихонов Марк Дмитриевич. Сын...»

В этот момент массивная дубовая дверь в торце зала бесшумно отворилась.

Разговоры за столом мгновенно стихли. Ратников, до этого громко шутивший с кем-то из директоров, подобрался и захлопнул папку. Секретарь вытянулась в струнку.

В комнату вошел мужчина.

На нем был темно-серый костюм индивидуального пошива — безупречные линии плеч, ткань, матово поглощающая свет, белоснежная рубашка с глухим темным галстуком. Темные, чуть волнистые волосы зачесаны назад. Никакой щетины, никаких следов дорожной пыли или усталости от ночного поезда. Спокойная, почти пугающая уверенность в каждом шаге, в посадке головы, в том, как небрежно он бросил тонкую кожаную папку на полированное дерево во главе стола.

Марк.

Мой муж. Человек, который позавчера жарил мне сырники и жаловался, что в ванной снова подтекает прокладка крана.

Он обвел взглядом присутствующих, задержавшись на мне ровно на долю секунды. Его зрачки едва заметно расширились, скулы натянулись, пальцы на мгновение сжались в кулак, но лицо осталось непроницаемой мраморной маской. Ни один мускул не дрогнул.

— Доброе утро, коллеги, — его голос прозвучал низко, ровно и властно. Это был голос человека, привыкшего отдавать распоряжения, которые выполняются немедленно и без обсуждений. — Прошу прощения за небольшую задержку. Ирина Борисовна, мы готовы слушать представителей форензик-провайдера?

— Да, Марк Дмитриевич, — сдержанно кивнула Воронцова. — «Аверс» готов представить методологию и график процедур.

Я сидела, вжавшись в спинку кожаного кресла, и чувствовала, как ледяной холод медленно ползет от кончиков пальцев к горлу. Мне показалось, что пол подо мной плавно накренился. Руки мелко, предательски дрожали. Под столом я со всей силы впила ногти в собственные ладони — острая физическая боль помогла удержать рвущийся наружу крик.

Это был морок. Бред. Какая-то чудовищная, абсурдная ошибка. Но на безымянном пальце его правой руки, лежащей на полированной столешнице, тускло поблескивало тонкое кольцо из белого золота. Точно такое же, как на моем правом пальце. Без камней, гладкое, с нашей тайной гравировкой на внутренней стороне.

— Вера Сергеевна? — негромкий голос Павла Нестерова прорезал ватную тишину, звенящую в моих ушах. — Выведете слайды по связанным сторонам?

Все лица за столом повернулись ко мне. Воронцова смотрела выжидающе. Ратников буравил меня тяжелым, оценивающим взглядом исподлобья.

А в дальнем конце стола сидел Марк. Он смотрел прямо на меня. В глубине его темных глаз не было высокомерия или насмешки — там плескалось глухое, отчаянное напряжение. По напряжению в его взгляде мне показалось: он ждал, что я сломаюсь. Что устрою публичную сцену, расплачусь, выбегу из зала, превращу крупнейший проект своей карьеры в дешевый базарный скандал.

«Нет, — обожгла меня яростная, отрезвляющая мысль. — Ни за что».

Если за этим столом и была жертва, то она осталась шестнадцать лет назад в могиле моего отца. Я не доставлю им этого удовольствия.

Я медленно выдохнула через нос, расправила плечи и взяла со стола пластиковый пульт кликера. Пластик был гладким и теплым. Опора. Точка контроля.

— Добрый день, господа, — мой голос прозвучал удивительно ровно, профессионально и сухо, словно внутри меня не полыхал пожар. — Перейдем к периметру независимой проверки. Срок выполнения мандата, согласно требованиям банка-кредитора, составляет сорок пять календарных дней. Наша цель — не поиск виновных на словах, а математическое и документальное подтверждение цепочек сделок, имеющих признаки конфликта интересов.

Я нажала кнопку. На огромном настенном экране загорелась первая схема транзакций.

Следующие двадцать минут я говорила исключительно на языке цифр. Я методично разбирала структуру договоров подряда, завышение закупочных цен на сырье, признаки фиктивного дробления поставок через однодневные прокладки. Я чувствовала на себе взгляд Ратникова — генеральный директор мрачнел с каждым моим словом, его челюсти сжимались, а пальцы нервно перебирали тяжелую золотую ручку. По тому, как он мрачнел, было ясно: он понял, куда именно мы собираемся копать.

Но сильнее всего меня жег взгляд из торца стола. Марк не перебивал. Он сидел неподвижно, сложив руки в замок, и слушал мой доклад с тем абсолютным, пугающим вниманием, с каким слушают оглашение приговора.

— ...Таким образом, — подвела я итог, переключив последний слайд с графиком контрольных выгрузок, — к концу сорок третьего дня мы сможем предоставить банку и совету директоров предварительный верифицированный отчет. Полный отчет со всеми приложени-

ями и доказательной базой будет закрыт ровно в восемнадцать ноль-ноль сорок восьмого дня. Благодарю за внимание.

В зале повисла тяжелая тишина.

— Впечатляет, — первой заговорила Ирина Воронцова. В ее голосе сквозило удовлетворение профессионала. — Четко, структурировано и без лишней воды. Комитет по аудиту подтверждает готовность заключить мандат именно на этих условиях. Единственный вопрос — подписание протокола независимости команды.

Она повернулась к председателю: — Марк Дмитриевич? У вас есть замечания к составу группы?

Марк медленно опустил руки на стол. Я видела, как побелели костяшки его пальцев.

— Замечаний по существу доклада нет, — произнес он глухо, глядя поверх голов директоров, но ни на секунду не выпуская меня из поля зрения. — Однако протокол независимости и персональный состав исполнителей требуют отдельного закрытого обсуждения до того, как мы поставим подписи под соглашением. Объявляю перерыв на пятнадцать минут. Членам правления и консультантам просьба покинуть зал.

Люди задвигали стульями, послышался шелест бумаг, негромкие реплики.

Павел Нестеров повернулся ко мне, довольно кивнув: — Блестяще, Вера. Ты их буквально припечатала фактами. Иди к лифтам, я сейчас заберу наши подписанные копии регламента у секретаря и спущусь.

— Павел Андреевич, — я мягко, но твердо перебила его, закрывая крышку ноутбука. Пальцы уже не дрожали. Внутри разлилась странная, звенящая пустота, в которой осталась только холодная, кристальная ясность. — Подождите меня внизу, в холле. Мне нужно... уточнить один процедурный вопрос с председателем совета.

Нестеров удивленно вскинул брови: — С Тихоновым? Лично? Вера, все рабочие контакты с советом идут через меня или Воронцову...

— Это касается протокола конфликта интересов, — отрезала я тихим голосом, от которого мой опытный начальник мгновенно подобрался. — Лично меня. Я спущусь через пять минут.

Нестеров внимательно посмотрел на меня, задержался взглядом на моем бледном лице и коротко кивнул: — Жду на первом этаже. Ничего не подписывай.

— Не подпишу.

Директора выходили. Ратников, проходя мимо меня, окинул меня тяжелым, липким взглядом, слегка прищурился, словно пытался вспомнить, где раньше слышал фамилию «Лаврова», но промолчал и тяжело вышел в коридор. За ним выскользнула секретарша, притворив за собой тяжелые двери.

Мы остались одни.

Огромный зал на тридцать втором этаже. Панорамные окна во всю стену, за которыми раскинулась серая осенняя Москва. И длинный полированный стол, разделивший нас на два враждебных берега.

Марк не встал. Он продолжал сидеть во главе стола, глядя на свои сцепленные руки. Тишина стояла такая плотная, что было слышно, как тихо гудит вентиляция под потолком.

Я подошла ближе. Остановилась в трех шагах от него, положив ладонь на спинку пустого кресла.

— «На объекте в Выборге полетела гидравлика цеха», — процитировала я его утреннюю записку. Каждое слово царапало горло, как битое стекло. — Связи может не быть. Не забывай обедать.

Марк медленно поднял голову.

Вблизи я увидела, насколько осунулось его лицо. Под глазами залегли тени, на лбу прорезалась резкая складка. Но это было лицо не виноватого мужа, застигнутого с поличной. Это

было лицо человека, который слишком долго ждал этого удара и теперь просто принимал его в упор.

— Вера, — его голос сорвался, потеряв весь лоск председателя совета директоров. — Пожалуйста. Выслушай меня.

— Как тебя зовут? — тихо спросила я.

Он моргнул: — Что?

— Как тебя зовут? По документам. В паспорте. Который лежит на нашей тумбочке рядом с квитанциями за свет.

— Тихонов Марк Дмитриевич, — ответил он твердо, не отводя взгляда. — Это мое настоящее имя. Я никогда не давал тебе фальшивых документов. Тихонова — девичья фамилия моей матери, Анны. После смерти отца я взял ее фамилию.

— Твоего отца, — повторила я, пробуя яд на вкус. — Дмитрия Черногорова.

— Да. Дмитрия Черногорова.

— Того самого Черногорова, который шестнадцать лет назад утопил моего отца? Который вышвырнул Сергея Лаврова из «Северного Контура», обвинив в краже миллиардов, и довел его до первого приступа?

Марк судорожно вдохнул. Его плечи напряглись, ткань дорогого пиджака натянулась.

— Мой отец умер вскоре после тех событий, Вера. От обширного инсульта. Мне было семнадцать лет. Я унаследовал часть промышленных активов, которые позже, при создании «МДК Групп», вошли в этот холдинг. Это чистые акции. Я не участвую в операционном управлении, я председатель совета, моя роль здесь — надзорная. Вся моя инженерная работа, мое проектное бюро — это правда. Я действительно этим занимаюсь. Я не играл в инженера, Вера, я им работаю!

— Ты скрыл миллиардное состояние, — сказала я с пугающим спокойствием. — Ты три года жил со мной в двушке с текущим краном. Ты считал каждую копейку на ТО машины. Ты смотрел, как я ночами сижу над финансовыми моделями, чтобы заработать премию и помочь закрыть твой дурацкий кредит на станки. Зачем, Марк? Чтобы что? Поиграть в простую семью? В нормальную жизнь? Или тебе просто нравилось смотреть, как дочь человека, которого растоптал твой отец, варит тебе кашу по утрам и заглядывает в рот?!

— Прекрати! — он резко поднялся на ноги.

Он был высоким, широкоплечим — в этой переговорной он казался еще выше, закрывая собой свет из окна. В его взгляде мелькнула глухая, раненая ярость: — Никогда. Слышишь меня? Никогда в жизни я не думал о тебе так! Я люблю тебя. Я женился на тебе, потому что не представлял своей жизни без тебя! Ты моя жена. Моя единственная женщина. Я не тащил эти проклятые активы в наш дом, потому что ненавидел все, что связано с этой компанией и с той войной! Я хотел, чтобы дома мы были просто мы!

— Просто мы? — я усмехнулась, чувствуя, как по щеке все-таки предательски скатилась одна горячая, обжигающая слеза. Я мгновенно смахнула ее тыльной стороной ладони. — Ты знал, кто я. С самого начала.

Марк замер. Воздух между нами снова сгустился до плотности бетона.

— Знал, — произнес он глухо. Это слово упало между нами, как гильотина. — Я знал, чья ты дочь. Знал про твоего отца. Знал про «Северный Контур».

Меня словно ударили под дых тяжелым кованым сапогом. Знать и услышать подтверждение вслух — это две совершенно разные бездны.

Три года назад. Парк Горького. Проливной майский дождь, я стою под козырьком павильона с охапкой промокших книг из библиотеки финансового университета, ругаю промокшие туфли... И к козырьку подбегает промокший насквозь парень в смешной ветровке, протягивает мне большой черный зонт и говорит с виноватой улыбкой: «Девушка, возьмите, а то ваши конспекты по финансовому анализу растворятся в воздухе».

Это не было случайностью. Это не было судьбой.

Я сделала шаг вперед. Мой голос опустился до шепота, но звенел с такой силой, что задрожали хрустальные стаканы на столе:

— Скажи мне только одно, Марк. Ты подошел ко мне в тот день случайно? Или ты нашел меня специально?

Он стоял напротив меня, всего в полуметре. Я видела каждую пору на его лице, знакомую родинку над правой бровью, которую я целовала сотни раз, морщинки у глаз. Я знала запах его кожи наизусть. И сейчас передо мной стоял абсолютно чужой, страшный человек.

— Марк. Ответь мне прямо сейчас. Ты искал встречи со мной до того, как подошел? Твое первое свидание со мной... наш брак... все это было спланировано?

Марк смотрел на меня. Его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. В глазах плескалась невыносимая мука, но вместе с ней — глухая, железная броня. Та самая броня человека, который привык сам решать, кому и сколько правды положено знать.

Он открыл рот, словно хотел что-то сказать, но сдержался. Прошла секунда. Пять. Десять. Тяжелое, вязкое, удушающее молчание.

— Вера, — наконец хрипло произнес он, и в его голосе прорезались знакомые интонации гиперопеки и контроля: — Мы не будем обсуждать это здесь. Поехали домой. Я отменю вторую часть совета, мы сядем дома на кухне, и я все тебе объясню. Ты все поймешь...

— Ты не ответил, — перебила я его. Мой голос больше не дрожал. Он стал ледяным. Мертвым. — Ты не сказал «нет».

Марк отвел глаза.

И этот жест разрушил последние руины трех лет моей жизни.

Я отступила на шаг назад, чувствуя, как внутри меня захлопываются все двери, гаснет свет и опускаются железные решетки. Женщина, которая утром гладила его рубашку и радовалась записке на столе, умерла пять минут назад.

Остался только старший аналитик компании «Аверс Форензик».

— Я не поеду с тобой домой, — произнесла я предельно четко, чеканя каждое слово. — Я сейчас спущусь вниз к Нестерову. Мы зафиксируем конфликт интересов. Наш мандат будет подписан, и эта проверка состоится. Банк получит отчет, чего бы это ни стоило мне, тебе или твоему холдингу. А ты... ты останешься здесь. За этим столом. Где тебе самое место.

Я развернулась на каблуках и пошла к выходу. Спина была прямой, шаг — уверенным и размеренным.

— Вера! — крикнул он мне вслед, и в его голосе впервые прозвучал настоящий животный страх.

Я не обернулась. Я взялась за тяжелую ручку двери, нажала вниз и шагнула в длинный зеркальный коридор тридцать второго этажа, оставляя за спиной человека, о котором я за три года брака не знала ровным счетом ничего.

## Глава 2

*Вера*

Дверь переговорной за моей спиной не успела захлопнуться до конца. Тяжелое дубовое полотно глухо стукнуло о косяк, и в пустом, гулком холле тридцать второго этажа раздались быстрые, тяжелые шаги.

— Вера! Стой.

Я не побежала. Бежать значило признать себя слабой, а во мне сейчас не осталось места для слабости — только выжженная, острая, как битое стекло, пустота. Я дошла до лифтового холла, где в зеркальных гранитных стенах дробились холодные светодиодные полосы, и нажала круглую кнопку вызова. Стрелка над табло замерла на двадцать восьмом этаже. Лифт поднимался слишком медленно.

Марк вырос передо мной словно из воздуха. Он не пытался схватить меня за руки или прижать к стене — между нами оставался ровно шаг, но этот шаг он заполнил собой целиком. Безупречный шерстяной пиджак расстегнут, галстук чуть сбит набок. На скулах горели темные пятна.

— Не уходи вот так, — выдохнул он. Голос звучал непривычно хрипло. — Давай отойдем от лифтов. Там, за углом, малая клиентская, она пустая. Пять минут.

— Мне не о чем говорить с председателем совета директоров, — ответила я, глядя прямо на узел его темного шелкового галстука. Поднять глаза выше, посмотреть в его лицо, в знакомые серые глаза с золотистыми крапинками у зрачков, я не могла. Боялась, что меня просто вывернет прямо на этот полированный гранит.

— Вера, перестань. Я Марк. Твой муж.

— Мой муж остался на кухне в шесть утра, — я заставила себя вскинуть подбородок и встретить его взгляд. Мой голос звучал тихо, почти безжизненно, и эта мертвая интонация испугала его сильнее любого крика. — Мой муж чинил старую «вольво», копил на станки и писал мне записки про Выборг. А ты... я не знаю, кто ты.

Он дернулся, будто получил пощечину, но тут же взял себя в руки. В нем снова проступил тот страшный, незнакомый мне человек из зала заседаний — собранный, расчетливый, привыкший управлять рисками.

— Я тот же самый человек, Вера. Ничего не изменилось.

— Ничего? — я горько усмехнулась. — Хорошо. Давай проверим. Скажи мне, Марк: когда ты узнал, что я сегодня приду на эту презентацию?

В холле повисла тишина. Лифт звякнул, створки разъехались, приглашая войти, но я не двинулась с места. Я смотрела на человека, с которым делила постель тысячу ночей.

Он молчал ровно четыре секунды. Для человека его масштаба это была вечность.

— В шесть утра, — наконец произнес он, и в его голосе не было раскаяния — только сухая констатация факта. — Секретарь совета прислала окончательный список рабочей группы от вашей фирмы перед моим выходом. Я открыл вложение на телефоне, пока ждал, пока закипит чайник.

Картинка из сегодняшнего утра вспыхнула перед глазами с пугающей, кинематографической четкостью.

Шесть утра. Сумрак на нашей маленькой кухне. Марк в серых трикотажных штанах и старой футболке стоит у плиты, держит в руке смартфон. Я сквозь сон слышала, как свистит чайник. Потом он вошел в спальню, неслышно ступая босыми ногами, наклонился, коснулся губами моего виска и натянул одеяло мне на плечо.

Он уже знал. Он уже видел мою фамилию в списке.

Он знал, что через четыре часа я войду в этот зал. Знал, что я буду стоять перед советом директоров, волноваться, сжимать в кулаке кликер, готовая защищать проект всей своей жизни. И он спокойно положил телефон в карман, написал записку про гидравлику Выборга, прижал ее солонкой и тихо прикрыл за собой дверь, чтобы не шелкать замком.

— Ты знал, — прошептала я, чувствуя, как мороз проридает кожу под шелковой блузкой. — Ты знал за четыре часа до начала. И ты дал мне войти туда вслепую.

— А что я должен был сделать, Вера?! — в его голосе впервые прорвалось глухое раздражение, знакомая мужская манера лучшей защиты через нападение. — Разбудить тебя и сказать: «Доброе утро, дорогая, я совладелец холдинга, где твой отец шестнадцать лет назад оставил свое имя, а теперь не ходи на работу»? Ты бы меня даже слушать не стала! Ты бы сорвалась, бросила проект, выставила себя истеричкой перед Нестеровым!

— Ты опять решил за меня, — отчеканила я. — Как решал все эти три года. Что мне знать, во что мне верить, какую правду я способна выдержать, а какую мне лучше не показывать.

— Я защищал нас!

— Ты защищал себя, Марк! Свое удобство! Свою красивую игру в простого инженера! Я сделала полшага вперед, сокращая дистанцию, и посмотрела ему прямо в зрачки.

— Хватит крутить, — потребовала я. — Ответь на вопрос, который я задала в зале. Прямо здесь. Глядя мне в глаза. Ты подошел ко мне три года назад в парке Горького, потому что шел дождь? Или ты целенаправленно искал встречи с дочерью Сергея Лаврова?

Лицо Марка закаменело. Желваки на скулах натянулись так резко, что кожа побелела. Он не отвел глаз, но в глубине его взгляда опустилась непроницаемая, глухая заслонка.

— Мы не будем говорить об этом здесь, Вера.

— Ответь. Да или нет?

— Я сказал: мы поедem домой, — его тон стал жестким, приказным. Так говорят с подчиненными, которые вышли за рамки субординации. — Мы сядем в нормальной обстановке, без посторонних ушей и камер на потолке, и я объясню тебе все обстоятельства. С самого начала.

— «Да» или «нет», Марк? Это простой вопрос. Один слог.

Он молчал. Тяжело, упрямо, глядя на меня сверху вниз, сжимая кулаки в карманах брюк. Он снова устанавливал правила. Снова назначал время, место и формат, в котором мне будет позволено узнать правду о собственной жизни.

— Понятно, — выдохнула я.

Внутри что-то окончательно оборвалось. Без звона, без треска — просто распалось в пыль.

— Вера, прекрати ломать комедию, — в его голосе прорезалась едва заметная паника. — Я не отказываюсь от разговора. Я прошу тебя проявить благоразумие...

— Это и есть твой отказ, — перебила я его. — Ты снова не говоришь «нет». Потому что если ты скажешь «нет», это будет ложью, которую я легко вскрою, а если скажешь «да» — признаешь, что весь наш брак был спланированной операцией. И поэтому ты торгуешься. Пытаешься затащить меня на свою территорию, где сможешь обнять, поцеловать, прижать к себе и скормить очередную удобную порцию правды наполовину.

Я снова нажала кнопку лифта. На этот раз двери открылись мгновенно.

— Послушай меня очень внимательно, Марк Дмитриевич, — я сделала шаг в кабину и повернулась к нему лицом. — Домой ты поедешь один. Я заберу свои вещи сегодня же. Личные разговоры между нами возможны только тогда, когда я сама посчитаю нужным и если я этого захочу. Рабочие контакты — исключительно по официальным запросам, через секретаря и под протокол.

— Ты не станешь съезжать, — он сделал шаг к дверям, но не вошел, удерживая створку ладонью. В его глазах метался настоящий, неконтролируемый страх. — Это глупо, Вера. Где

ты будешь жить? На какие деньги? Если тебе нужно побыть одной — оставайся в квартире, я уеду в отель прямо сейчас...

— Я не возьму у тебя ни копейки. И в твоей квартире я не останусь ни на одну ночь.

— Это наша общая квартира!

— Нет. Это декорация, которую ты арендовал для своего спектакля.

Я протянула руку и хладнокровно убрала его пальцы со створки лифта. Металл кольца на его руке обжег мне кожу холодом.

Двери плавно закрылись, отрезая его высокую, застывшую фигуру.

Павел Нестеров ждал меня на первом этаже, в тихом углу кофейни бизнес-центра. Перед ним стояли два больших бумажных стакана с остывающим кофе и раскрытый планшет. Увидев меня, он широко улыбнулся и махнул рукой:

— Вера, ну наконец-то! Я уже сбросил в офис предварительный протокол. Воронцова в восторге, банк предварительно согласен на нашу группу без сокращения бюджета. Это твой триумф, девочка. Через полтора месяца закроем проект — и я лично подниму перед управляющим комитетом вопрос о твоём партнерстве...

Я опустила на жесткий диванчик напротив него, сложила руки на коленях и посмотрела шефу прямо в глаза:

— Павел Андреевич, уберите протокол. Нам нужно составить официальное заявление о конфликте интересов. Немедленно.

Нестеров замер. Его рука с пластиковой крышечкой стакана зависла в воздухе. Опытный аудитор с двадцатилетним стажем, он умел считывать людей за секунду — улыбка мгновенно сползла с его породистого, холеного лица, уступив место предельной настороженности.

— Какой конфликт, Вера? О чем ты говоришь? Твои декларации чистые, мы проверяли базу перед подачей заявки.

— До сегодняшнего утра они были чистыми, — я говорила ровно, чеканя каждое слово, хотя во рту пересохло до горечи. — В закрытом приложении к структуре управления, которое Воронцова раздала перед презентацией, председателем совета директоров и держателем ключевого пакета акций значится Тихонов Марк Дмитриевич.

— Ну да. Непубличный бенефициар. И что?

— Марк Тихонов — мой законный муж. Мы состоим в зарегистрированном браке три года.

Нестеров медленно, очень аккуратно поставил кофе на стол. Его брови поползли вверх, а взгляд остекленел, словно он пытался сопоставить несовместимые математические величины.

— Подожди... Твой муж? Тот самый тихий парень из проектного бюро, о котором ты рассказывала? Который чертежи по ночам чертит?

— Тот самый. Только он не просто тихий парень. Он сын Дмитрия Черногорова. Того самого Черногорова, который шестнадцать лет назад руководил «Северным Контуром» и свалил растрату на моего отца.

В кофейне громко зашипела кофемашина, взбивая молоко. За соседними столиками звенели чашки, клерки в накрахмаленных рубашках обсуждали котировки и пробки на ТТК. Обычный офисный полдень. А у нашего столика воздух словно выкачали насосом.

Нестеров побледнел.

— Твою мать, Вера... — выдохнул он одними губами. — Ты... ты знала?

— Если бы я знала, Павел Андреевич, я бы потребовала самоотвод еще на стадии тендерной заявки. Вы знаете меня пять лет. Я узнала об этом двадцать минут назад. Из документа на тридцать втором этаже.

Шеф откинулся на спинку дивана и потер переносицу. Его мозг, привыкший просчитывать юридические и репутационные риски, сейчас работал на предельной скорости.

— Это катастрофа. Если мы сейчас скроем это, а Ратников или банк раскопают родство позже — «Аверс» вылетит из аккредитации ЦБ навсегда. Нас похоронят под исками за недоверенность заключения. А если раскроем прямо сейчас... комитет по аудиту обязан будет снять нас с проекта. Банк не примет отчет, подписанный женой председателя совета холдинга, который мы проверяем!

— «Аверс» не снимут, если мы сами, первыми зафиксируем факт конфликта до подписания мандата, — твердо сказала я. — И если изменим структуру группы.

Нестеров прищурился: — Что ты предлагаешь?

— Я немедленно пишу официальное уведомление на имя Воронцовой и в наш юридический департамент. Полное раскрытие: свидетельство о браке, дата заключения, отсутствие совместных коммерческих активов. Я добровольно снимаю с себя полномочия руководителя проверки и право подписи любых итоговых документов. Единственным подписантом остаюсь вы. Моя роль — исключительно старший технический аналитик. Все мои выборки, модели и расчеты будут подлежать независимому перепроверению вторым аналитиком без моего участия.

Нестеров долго смотрел на меня. В его взгляде профессиональное потрясение боролось с искренним человеческим сочувствием.

— Ты понимаешь, что ты делаешь, Вера? Ты отдаешь главное дело своей карьеры. Если Воронцова вообще согласится оставить тебя в группе, ты будешь сидеть на черновых массивах без права голоса. Никакого триумфа. Никакого партнерства в этом году.

— Мне не нужен триумф, Павел Андреевич, — я сжала пальцы в замок, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. — В этих спорных сделках шестнадцатилетней давности фигурирует имя моего отца. А текущие сделки Ратникова подозрительно напоминают старую схему. Я останусь на этом проекте. Даже если мне придется проверять каждую цифру под микроскопом и без права ставить свою подпись. Но для этого мы должны быть абсолютно чисты перед комитетом.

Нестеров тяжело вздохнул, достал телефон и набрал номер: — Ирина Борисовна? Добрый день. Это Нестеров. Нам необходимо срочно внести изменение в протокол допуска до подписания мандата. Мы с Верой Сергеевной сейчас поднимаемся к вам.

В нашу съемную квартиру на Песчаной улице я вошла в начале третьего.

Здесь все было прежним. Солнечный свет падал сквозь тюль на деревянный паркет. В раковине стояла его немытая турка. На спинке стула висела его домашняя клетчатая рубашка — та самая, в которой он любил читать по вечерам, закинув ноги на журнальный столик. Я подошла, провела пальцами по мягкой, застиранной байке. Она пахла им — можжевельным гелем для душа, табаком и свежим хлебом.

Меня накрыло такой волной удушающей, животной тоски, что я согнулась пополам, прижав рубашку к лицу.

«Господи, за что? За что ты так со мной?»

Перед глазами стояли три года. Наши простые, счастливые три года. Как мы считали деньги в «Ашане», выбирая сыр по акции. Как он часами возился с моим стареньким ноутбуком, меняя термопасту, чтобы он не грелся. Как в прошлом году, когда я свалилась с тяжелым гриппом, он сидел у моей кровати три ночи подряд, обтирал меня мокрым полотенцем и поил клюквенным морсом из ложечки.

Все это время он был миллиардером. Наследником огромной промышленной империи. Человеком, одно слово которого могло изменить судьбы сотен людей.

И он смотрел, как я выкраиваю деньги из своей зарплаты, чтобы купить ему на день рождения хороший японский спиннинг.

Я отбросила рубашку в сторону, словно она была ядовитой, и вытащила из шкафа большой дорожный чемодан.

Я действовала механически, как на финансовой ревизии. Открыла шкаф. Свои платья, костюмы, белье — на кровать, затем ровными стопками в чемодан. Обувь — в нижний отсек.

Никаких совместных вещей. Никаких подарков. Книги по экономике, рабочий ноутбук, папка с моими личными документами: свидетельство о рождении, диплом, мамины старые письма.

Обручальное кольцо давило на палец, словно раскаленный железный обруч. Я стянула его, положила на полированную поверхность трюмо, прямо на сложенную пополам утреннюю записку про гидравлику цеха.

Щелчок замка во входной двери раздался в тот момент, когда я застегивала молнию на чемодане.

Марк вошел быстро, даже не разуваясь, бросил пальто на банкетку в прихожей и замер в дверях спальни. Он уже переоделся — снял пиджак и галстук, оставшись в одной белой рубашке с расстегнутым воротом и закатанными рукавами. Он тяжело дышал, словно бежал по лестнице пешком.

Его взгляд упал на чемодан, стоящий у кровати. Затем — на пустое трюмо и золотой ободок кольца.

— Не делай этого, Вера.

— Я уже сделала, — я защелкнула замки чемодана и выпрямилась.

— Куда ты пойдешь? — он сделал шаг в комнату, но остановился, наткнувшись на мой ледяной взгляд. — В гостиницу? К матери? Ты хоть понимаешь, как это выглядит?

— Мне плевать, как это выглядит. Я сняла номер в бизнес-отеле около офиса на неделю. Дальше сниму квартиру. Сама.

— Вера, прекрати пороть горячку! — в его голосе прозвучало отчаяние. — Я не держу тебя силой! Если ты не хочешь меня видеть — оставайся здесь! Это оплаченное жилье, здесь твои книги, твои цветы, твоя кухня! Я уеду! Я сейчас же соберу сумку и уйду, ты даже не услышишь, как хлопнет дверь!

— Я не останусь в доме, где каждая стена пропитана твоим враньем.

Марк провел ладонями по лицу, взъерошив волосы, и опустил руки. Он выглядел раздавленным, но я слишком хорошо помнила его холодное спокойствие за столом совета директоров, чтобы снова поверить этой уязвимости.

— Я не врал тебе о том, что чувствую, — глухо сказал он. — Я любил тебя каждую секунду этих трех лет. И люблю сейчас.

— Тогда почему ты не ответил мне в холле? — тихо спросила я. — Почему ты не сказал, что встретил меня случайно?

Он закрыл глаза. Его челюсти сжались. Он снова выбрал молчание. Тот же самый отказ, завернутый в тяжелую, мучительную паузу.

— Вот видишь, — я взялась за ручку чемодана и покатила его к выходу. — Ты даже сейчас пытаешься контролировать размер ущерба. Ты боишься сказать правду, потому что знаешь: назад дороги не будет.

Он пошел за мной в прихожую. Стоял у двери, глядя, как я надеваю плащ и беру в руки сумку с ноутбуком.

— Воронцова позвонила мне полчаса назад, — произнес он мне в спину. — Ты подала официальное раскрытие конфликта. Сама. Без согласования со мной.

— Я сделала свою работу. Как положено по закону.

— Ты лишила себя руководства проектом, Вера. Нестеров заберет себе весь статус. Тебя загнали в рамки рядового аналитика под тройной контроль!

— Я не продаю свою профессиональную независимость, Марк. Ни за миллионы, ни за твое кресло председателя. И запомни: если ты попытаешься вмешаться, если попробуешь через Воронцову облегчить мне жизнь или вернуть мне статус — я подам официальную жалобу в комитет по аудиту и выйду из проверки вообще.

Я взялась за ручку входной двери.

— Мы разводимся? — спросил он тихо. Этот вопрос дался ему с видимым, физическим трудом.

Я замерла на пороге. В горле стоял горький ком, сердце колотилось где-то в горле, но я нашла в себе силы повернуться.

— Я не знаю, Марк. Сейчас я просто не могу на тебя смотреть. Решение о нашем браке я буду принимать тогда, когда закончится эта проверка. Не раньше.

Он не двинулся с места. Не попытался преградить мне путь, не схватил за плечи, не пообещал золотые горы. Он просто стоял в полутемной прихожей нашей маленькой съемной квартиры — высокий, чужой, страшный в своей непостижимой тайне человек — и смотрел, как я переступаю порог.

Я вышла на лестничную клетку и сама потянула тяжелую дверь на себя. Замок щелкнул. Глухо, окончательно, отрезая три года моей жизни.

В крошечном стандартном номере гостиницы на Ленинградском проспекте пахло казенным стиральным порошком и кондиционером.

Я сидела на краю жесткой застеленной кровати, не снимая плаща. За окном шумел вечерний поток машин, ползли бесконечные цепочки красных габаритных огней. На тумбочке лежал телефон.

Экран вспыхнул. Пришло входящее письмо с рабочей почты.

Отправитель: Ирина Борисовна Воронцова, Председатель Комитета по аудиту АО «МДК Групп». Копия: Павел Андреевич Нестеров.

«Уважаемая Вера Сергеевна! Комитет по аудиту принял к сведению Ваше заявление о раскрытии конфликта интересов. Окончательное решение о возможности Вашего участия в проверке в качестве старшего аналитика при условии внешнего перепроверения результатов будет принято завтра на закрытом заседании комитета в 09:00. Мандат с компанией «Аверс Форензик» временно заморожен до урегулирования процедуры независимости».

Я заблокировала экран и откинулась на холодные гостиничные подушки.

Я сожгла за собой все мосты. Я ушла из дома, потеряла мужа и поставила под удар свою пятилетнюю карьеру. И теперь все зависело от того, позволит ли мне завтра чужой, равнодушный комитет переступить порог компании, чтобы докопаться до правды, из-за которой шестнадцать лет назад погиб мой отец.

## Глава 3

*Вера*

Гостиничный номер пах чужой, казенной чистотой: выглаженным хлопком с хлоркой, сухим кондиционированным воздухом и дешевым мылом в бумажной обертке.

Я проснулась в половине шестого утра от тишины.

Три года каждое мое утро начиналось со звуков: приглушенного звона турки о чугунную решетку плиты, скрипа половицы у балконной двери, шума воды в ванной. Даже когда Марк уходил на рассвете, в воздухе оставалось его тепло, запах его свитера, брошенного на спинку кресла, кружка на столе.

Сейчас вокруг была только глухая, герметичная пустота стандартного одноместного номера на седьмом этаже. Ни кружки. Ни записки. Ни звука.

Я села на кровати, обхватив колени руками. На безымянном пальце правой руки белела четкая, незагорелая полоска кожи там, где еще вчера было обручальное кольцо. Кольцо осталось на трюмо в нашей квартире. Палец мерз, словно с него сняли не тонкий ободок золота, а содрали слой кожи.

«Мы не будем обсуждать это здесь. Поехали домой».

Его хриплый голос все еще стоял в ушах. Марк не кричал. Он не умолял. Он просто включил свой привычный режим управления кризисом: запереть двери, взять под локоть, увести на свою территорию и там, мягко, но неотвратно, выстроить удобную для него версию событий. Так ведут себя опытные переговорщики, когда сделка идет не по плану.

Только я не была сделкой. Я была его женой.

Я встала, накинула жесткий вафельный халат и подошла к окну. Москва просыпалась. Внизу, рассекая мокрый утренний асфальт Ленинградского проспекта, ползли бесконечные цепочки фар. Город жил своей обычной, спешащей жизнью, в которой не было никакого дела до того, что вчера под обломками фамилии Черногорова похоронили три года моей любви.

Телефон на прикроватной тумбочке завибрировал ровно в семь ноль-ноль.

— Вера? — голос Павла Нестерова был бодрым, но за этой бодростью я слишком хорошо знала железную хватку руководителя практики. — Ты как?

— Собрана, Павел Андреевич.

— Это хорошо, потому что в девять мы должны быть у Воронцовой. Ночью комитет по аудиту разослал экстренную повестку. Банк в курсе, что мы подали раскрытие.

Я прижала трубку плечом, застегивая пуговицы свежей блузки: — Кредитор ставит ультиматум?

— Естественно, — сухо бросил Нестеров. — Банк соглашался на «Аверс», потому что мы в их белом списке независимых ревизоров. Для них продление кредитной линии на восемь миллиардов — не абстрактная цифра. Если выяснится, что проверку ведет супруга председателя совета директоров и крупнейшего совладельца холдинга, любое наше заключение сочтут предвзятой филькиной грамотой. Нас просто вышвырнут из пула. Партнеры в офисе стоят на ушах. Комитет партнеров требует от меня снять тебя с проекта и выставить другого ведущего аналитика.

Я замерла с расческой в руке. Сердце болезненно сжалось, но голос остался ровным: — Вы можете меня снять. По процедуре у вас есть такое право.

— Могу, — согласился Нестеров после короткой паузы. — И любой нормальный управляющий партнер на моем месте уже подписал бы приказ об отстранении. Но эту презентацию собирала ты. Модели по сомнительным поставщикам строила ты. Никто из наших ребят не разберет этот хаос за сорок пять дней так, как ты. И главное... — он помедлил, подбирая слова.

— Я помню твоё резюме пятилетней давности, Вера. Я помню фамилию Лаврова. И я слишком хорошо понимаю, почему ты вчера не сорвалась и довела доклад до конца.

— Спасибо, Павел Андреевич.

— Не благодари. Если Воронцова или совет решат, что твоё присутствие создает неустрашимый риск, я выведу тебя из команды без сантиментов. Репутация фирмы дороже любых семейных драм. Будь на тридцать втором этаже без опозданий.

Я сбросила вызов и посмотрела на своё отражение в зеркале. Бледное, строгое лицо. Волосы убраны в гладкий пучок. Темно-синий пиджак с глухим воротником. Никаких украшений, кроме простых серебряных сережек.

Я могла уйти.

Это было бы проще всего: собрать чемодан, написать заявление на двухнедельный отпуск за свой счет, уехать к маме в Тулу, спрятаться в маленьком домике с яблоневым садом и позволить себе выть в подушку от предательства человека, которому я верила больше, чем самой себе. Любой психолог сказал бы, что это единственно верный шаг для самосохранения.

Но если я уйду сейчас, двери захлопнутся навсегда.

Марк останется в своём стеклянном кабинете с миллиардным состоянием и удобной легендой о том, что он «просто берег меня». Ратников продолжит подписывать контракты со связанными фирмами, выводя деньги из холдинга точно так же, как шестнадцать лет назад это делали в «Северном Контуре». А мой отец... мой отец навсегда останется в архивных записях главным виновником катастрофы, человеком, чьё сердце не выдержало чужой грязи.

Я не имела права на слабость. Не сегодня.

В малой переговорной комитета по аудиту на тридцать втором этаже царила атмосфера полевого штаба перед отступлением.

Здесь не было размаха вчерашнего зала заседаний. Небольшая комната со стеклянными стенами, жалюзи опущены, на столе — остывший кофе, стопки распечатанных протоколов и три ноутбука.

Ирина Воронцова сидела во главе стола. Её безупречный серый костюм казался броней, а взгляд поверх тонких очков в металлической оправе не сулил ничего хорошего. Рядом с ней расположился Андрей Викторович Смирнов — второй независимый член совета, седовласый финансист, непрерывно делавший пометки в блокноте.

Но больше всего меня поразило присутствие третьего человека.

В глубоком кожаном кресле у окна, закинув ногу на ногу и расстегнув пуговицы пиджака, сидел генеральный директор холдинга Олег Павлович Ратников. Перед ним не было бумаг — только тяжелый фарфоровый стакан с минеральной водой.

Марка в комнате не было. И его отсутствие было красноречивее любых слов: как председатель совета и муж сотрудника проверяющей стороны, он не имел права даже переступить порог этой переговорной. Он держал дистанцию. По крайней мере, здесь, под протокол.

— Доброе утро, коллеги, — Воронцова не предложила нам сесть, её голос резал слух металлом. — Ситуация патовая. Мы получили официальное раскрытие от Веры Сергеевны вчера в шестнадцать сорок. Юридический департамент банка уже прислал предварительное заключение: наличие супружеских связей между старшим аналитиком группы и крупнейшим неконтролирующим акционером холдинга ставит под сомнение независимость всей процедуры. Банк требует гарантий. У нас два пути: либо «Аверс» меняет команду целиком в течение суток, либо мы расторгаем предварительное соглашение и объявляем новый закрытый конкурс.

— Новый конкурс — это потеря ещё трех недель, Ирина Борисовна, — жестко парировал Нестеров, усаживаясь за стол. Я осталась стоять рядом с его стулом, положив ладонь на край кожаной папки. — Срок по кредитной линии истекает через сорок пять дней. Банк не станет

ждать, пока новая фирма войдет в курс дела. Проект встанет, холдинг получит технический дефолт по первому траншу.

— Мы это понимаем, Павел Андреевич, — вмешался седой Смирнов. — Но рисковать репутацией перед кредитором совет не позволит.

И тут заговорил Ратников.

Он медленно повернул голову, окинул меня тяжелым, внимательным взглядом из-под густых бровей и вдруг мягко, почти по-отечески улыбнулся: — Господа, ну зачем же рубить с плеча? Мы же деловые люди. Послушайте, я вчера внимательно слушал доклад Веры Сергеевны. Девочка работает блестяще. Цифры подобраны безупречно, фактура железная. То, что они с Марком женаты... Ну, господа, молодые люди, красивый роман. Марк Дмитриевич у нас человек непубличный, в операционку не лезет, занимается своим инженерным бюро. Какое влияние он может оказать на проверку?

Я едва заметно прищурилась, глядя на генерального директора.

В его голосе звучала такая теплая, обезоруживающая снисходительность, что любой неподготовленный человек на моем месте выдохнул бы с благодарностью. Руководитель холдинга защищает рядового аналитика перед жестким комитетом! Какое благородство!

Но эта бархатная улыбка почему-то не успокаивала. Я не могла знать, зачем Ратников так демонстративно защищает меня, и не имела права приписывать ему мотив без фактов. Я видела только результат его слов: под аудиозапись он снова и снова подчеркивал, что я жена Марка и дочь Сергея Лаврова.

Этого уже хватало, чтобы мой статус становился опасно двусмысленным. Если проверка вскроет проблемы его коммерческого блока, любой оппонент сможет сказать: ревизию ведет семья. Если ничего не найдет — все просто разойдутся. Поэтому мне нужна была процедура, в которой чужие мотивы вообще переставали иметь значение.

— При всем уважении к вашему человеческому подходу, Олег Павлович, — ледяным тоном осадила его Воронцова, — совет директоров оперирует требованиями банковского ковенанта, а не романтикой. Нам нужно процедурное решение, которое устроит службу безопасности кредитора. Иначе мандат не будет подписан сегодня.

— Решение есть, — негромко произнесла я.

В комнате стало тихо. Ратников медленно поставил стакан на столик. Нестеров бросил на меня предостерегающий взгляд, но я не отступила ни на миллиметр.

— Говорите, Вера Сергеевна, — Воронцова сняла очки и посмотрела на меня в упор.

Я подошла к столу и положила перед ней лист с заранее напечатанными пунктами. Мой голос звучал спокойно, четко и отстраненно, словно я зачитывала стандартную служебную записку по чужому предприятию:

— Банк требует исключить конфликт интересов и обеспечить стопроцентную достоверность итоговых данных. Для этого не нужно отстранять компанию «Аверс». Достаточно изменить внутренний регламент работы нашей группы и юридический статус участников.

Я сделала паузу, убеждаясь, что каждый в комнате слушает меня:

— Первое. Я официально отзываю свою кандидатуру с позиции руководителя группы и добровольно отказываюсь от права подписи любых итоговых документов, промежуточных меморандумов и заключений для банка. Мой статус снижается до старшего технического аналитика.

— Кто в таком случае подписывает итоговый отчет? — быстро спросил Смирнов.

— Единственным официальным подписантом отчета остается партнер практики Павел Андреевич Нестеров, — я кивнула на своего шефа. — Он несет персональную юридическую ответственность перед банком и саморегулируемой организацией аудиторов.

Нестеров коротко кивнул, подтверждая мои слова.

— Второе, — продолжила я, глядя прямо в глаза Воронцовой. — Все массивы данных, выгрузки и финансовые модели, которые буду готовить я, подлежат обязательной процедуре независимого перепроверения. Вторая аналитическая группа под руководством Нестерова будет вслепую повторять ключевые расчеты по моим формулам без моего участия. Если хотя бы одна цифра в выборках по связанным сторонам разойдется — вывод бракуется. Это гарантирует банку, что результат опирается на чистую математику, а не на мою интерпретацию.

Ратников слегка шевельнулся в кресле. Его добродушная улыбка начала медленно сползать с лица. Он явно не ожидал от меня такой юридической трезвости.

— И третье, — закончила я, чеканя каждое слово. — В регламенте взаимодействия должно быть зафиксировано полное неучастие председателя совета директоров Марка Дмитриевича Тихонова в процедуре проверки. Он не входит в комитет по аудиту. Он не имеет доступа к рабочей комнате данных. Он не участвует в обсуждении промежуточных результатов и исключается из любых голосований совета, касающихся оценки работы нашей фирмы. Соответствующий протокол об отводе должен быть подписан им до того, как мы начнем работу.

Никто не заговорил сразу.

Я стояла перед ними, чувствуя, как внутри все сжимается от боли. Я только что собственными руками перечеркнула пять лет безупречной работы. Я отдала руководство крупнейшим проектом в истории фирмы. Я согласилась на униженный статус специалиста под тройным надзором, чью работу будут перепроверять построчно, словно я стажер на испытательном сроке. Мое имя не появится на титульном листе триумфального отчета. Никакого партнерства в этом году. Никакой публичной славы.

Но это была цена моего права остаться.

Права войти в эти базы данных. Права поднять счета шестнадцатилетней давности. Права взглянуть в лицо тем, кто сломал жизнь моему отцу, и положить на этот стол неопровержимые доказательства, которые никто и никогда не сможет назвать бабьей местью или капризом брошенной жены.

Воронцова долго смотрела на предложенный мной регламент. Затем перевела взгляд на Нестерова: — Павел Андреевич, ваша фирма готова подтвердить эти ограничения письменно в течение двух часов?

— Готова, — твердо ответил Нестеров. — Мы уведомим кредитора о введенном регламенте защиты независимости. Учитывая, что право решающей подписи остается за мной, а ключевые расчеты подтверждаются двойной слепой проверкой, у банка не останется формальных оснований для блокировки мандата.

Воронцова повернулась к генеральному директору: — Олег Павлович? У руководства холдинга есть возражения против предложенной схемы?

Ратников тяжело поднялся с кресла, одернул пиджак и криво усмехнулся. В его взгляде больше не было снисходительности — только глухая, настороженная неприязнь опытного хищника, почувствовавшего опасность.

— Какие могут быть возражения, Ирина Борисовна? Мы за абсолютную прозрачность. Если дама так рвется работать на общих основаниях без права голоса... пусть работает. Закон есть закон.

Он бросил на меня короткий, колющий взгляд и, не прощаясь, вышел из переговорной, тяжело ступая по ковролину.

— Решено, — Воронцова захлопнула папку. — Комитет утверждает регламент. Готовьте окончательный текст соглашения. Подписание мандата назначаем на шестнадцать ноль-ноль. Срок пойдет с сегодняшнего дня.

Окончательный договор с банком и холдингом был подписан без пяти минут пять вечера третьего дня.

Павел Нестеров поставил свою размашистую подпись внизу последней страницы, секретарь прижала синий гербовый оттиск печати «Аверс Форензик», а Воронцова скрепила документ со стороны холдинга.

Сорок пять календарных дней. Полный отчет должен лечь на стол комитета и кредитора ровно в восемнадцать ноль-ноль сорок восьмого дня. Обратный отсчет был запущен.

Наш временный рабочий кабинет расположился на двадцать шестом этаже башни — в изолированном блоке за отдельным контуром доступа, куда можно было попасть только по специальным электронным пропускам. Сюда не имели права заходить штатные сотрудники холдинга, уборщицы убирали только в присутствии службы безопасности, а серверная линия была полностью отрезана от внутренней корпоративной сети «МДК Групп».

Часы на стене показывали половину восьмого вечера, когда IT-служба наконец открыла нам защищенный канал к первичному массиву текущих проводок за последние три года.

Нестеров уехал в наш главный офис улаживать формальности с партнерами, оставив меня одну в гулкой тишине кабинета.

Я сидела перед двумя широкими мониторами, сжимая в ладонях остывший бумажный стаканчик с зеленым чаем. Глаза саднило от усталости, виски ломило. Три дня без сна, три дня на взводе, три дня жизни в безликом гостиничном номере, где телефон молчал, потому что Марк держал свое слово. Он не звонил. Не писал. Не пытался подкараулить меня на парковке. Он соблюдал дистанцию с той пугающей, безупречной точностью, которая ранила сильнее любых упреков.

«Он просто защищает свой холдинг», — зло подумала я, ставя стакан на стол.

Я открыла базу текущих платежей за последний квартал.

Сотни строк. Десятки миллиардов рублей. Оплата металлопроката, логистические услуги, аренда тяжелой строительной техники, агентские комиссии, субподряды на модернизацию цехов. Обычный финансовый шум гигантской промышленной машины.

Я наложила первичный фильтр: компании с уставным капиталом до ста тысяч рублей, зарегистрированные менее года назад, но уже получившие авансы свыше пятидесяти миллионов. Это был стандартный аналитический трафарет, позволявший мгновенно вычленять фирмы-однодневки, созданные под конкретный вывод денег.

Экран мигнул, отсекая лишнее. Осталось семнадцать позиций.

Я открыла карточку первой компании — некоего общества с ограниченной ответственностью «Северный Транзит-М». Назначение платежа: «Аванс за поставку специализированного гидравлического оборудования для прокатных станов». Сумма: двести сорок миллионов рублей. Контракт подписан лично генеральным директором Ратниковым две недели назад.

Я развернула цепочку учредителей. Стандартная схема: номинальный директор из региона, учредитель — офшорная компания с Кипра. Но когда я открыла выписку по истории изменений уставных документов и перешла во вкладку юридического адреса регистрации первого владельца, мои пальцы на клавиатуре замерли.

Адрес регистрации первой компании-учредителя: город Выборг, улица Промышленная, дом 12, строение 4.

В глазах на мгновение потемнело.

Я знала этот адрес.

Шестнадцать лет назад, когда мне было одиннадцать, я часами сидела на старом шерстяном ковре в нашей гостиной и смотрела, как отец, сгорбившись за письменным столом, сжимал голову руками. Перед ним лежали пухлые серые папки с уголовным делом о банкротстве «Северного Контура». Отец не прятал бумаги — он наивно верил, что если разложит все квитанции и акты, следователи увидят правду.

На титульном листе главной фальшивой накладной, по которой из компании отца вывели первые триста миллионов и которую потом подшили к делу как доказательство его вины, стоял именно этот адрес.

Выборг, улица Промышленная, 12, строение 4.

Тот же самый город. Тот же самый заброшенный складской ангар в промзоне. Та же самая юридическая схема: аванс за несуществующее гидравлическое оборудование, подписание контракта в обход открытого тендера, прямой вывод средств через посредника.

Шестнадцать лет назад этой схемой уничтожили моего отца.

А сегодня, прямо сейчас, по этой же самой колее шли деньги холдинга, во главе которого стоял сын Черногорова, а оперативным управлением заправлял Олег Ратников.

Я медленно откинулась на спинку рабочего кресла.

В ушах снова зазвучал утренний, ласковый голос Ратникова: «Мы в холдинге доверяем людям. Пусть работает!»

Одного совпавшего адреса было недостаточно, чтобы назвать эту сделку продолжением старой схемы. Но совпадение было слишком точным, чтобы его игнорировать. Теперь у меня появилась проверяемая гипотеза — и официальный способ выяснить, есть ли между прошлым и настоящим настоящая связь.

Я взяла телефон, открыла рабочую почту и создала черновик первого официального запроса на выгрузку архивов: «Кому: Комитет по аудиту АО «МДК Групп», Воронцовой И.Б. Копия: Партнеру практики Нестерову П.А. Тема: Запрос на предоставление архивных данных по контрагентам 2008–2013 гг.»

Я осталась в этом деле. И теперь я знала, где искать первый след.

## Глава 4

*Вера*

К четвертому дню я почти привыкла к тишине нашего изолированного блока на двадцать шестом этаже.

Здесь не было мягких диванов и дизайнерских светильников. Только длинный стол из серого прессованного пластика, три мощных монитора, гудение кондиционера под потолком и терпкий запах бумажной пыли от бесконечных коробок с первичными документами. Входная дверь была заперта на электронный замок, код от которого знали только я, Нестеров и прикрепленный сотрудник службы безопасности холдинга, безмолвно сидевший в коридоре.

На моем рабочем столе остывал стакан с кофе из автомата.

Я спала всего три часа. Гостиничный номер на Ленинградском проспекте уже перестал казаться чужим — он превратился просто в место, где я закрывала глаза и безуспешно пыталась выключить мозг. Стоило опустить веки, как передо мной всплывало лицо Марка. Тот самый момент, когда его зрачки расширились, а на скулах окаменели желваки.

«Ты знала бы, что я совладелец холдинга... Ты бы сорвалась».

Он говорил это так, словно заботился обо мне. Словно вся эта трехлетняя ложь была актом высокого рыцарства, спасением слабой женщины от жестокой правды. Мужчины вроде Марка всегда находят благородные оправдания своей трусости: они называют обман защитой, а тотальный контроль — опекой.

Я сделала глоток горького, безвкусного кофе и потеряла переносицу.

Хватит. Если я впущу эту боль внутрь сейчас, когда тикают сорок пять дней банковского дедлайна, я проиграю. Эмоции делают аналитика слепым. Цифры требуют холодной головы.

Я повернулась к экранам.

На левом мониторе была открыта карточка компании «Северный Транзит-М» — того самого подрядчика, которому две недели назад генеральный директор Ратников согласовал аванс в двести сорок миллионов рублей на поставку гидравлического оборудования.

На правом мониторе я развернула схему движения средств за последние полгода.

Один лишь юридический адрес в Выборге — улица Промышленная, дом 12, строение 4 — в суде ничего не значил. Любой толковый корпоративный адвокат разбил бы мои подозрения за пять минут: в промышленных зонах старых портовых городов десятки складов делят один и тот же почтовый адрес просто потому, что ангары когда-то принадлежали одному советскому заводу. Совпадение географической точки само по себе не доказывало мошенничества.

Мне нужны были причинные связи. Невидимые нити, связывающие фирму-однодневку с кабинетами на тридцать втором этаже.

Я зашла в защищенный реестр контрагентов и запустила перекрестную проверку.

Первый тревожный маркер всплыл через двадцать минут: расчетный счет «Северного Транзита-М» был открыт в том же небольшом коммерческом банке, через который холдинг проводил неликвидные закупки три года назад. Случайность? Возможно.

Второй маркер: генеральный директор и единственный учредитель компании — некий гражданин Потапов из Псковской области, тридцати двух лет. По данным налоговых баз, до назначения директором поставщика тяжелого промышленного оборудования он числился завскладом в региональной розничной сети. Никакого опыта в металлургии. Никакой деловой репутации. Человек-функция. Номинал.

Но решающая зацепка появилась, когда я запросила банковские выписки по транзакциям за сутки до перечисления аванса.

Двести сорок миллионов не пошли на завод-изготовитель гидравлических узлов. В тот же вечер, сразу после зачисления средств со счетов «МДК Групп», сумма была разбита на пять траншей по сорок восемь миллионов рублей и веером разошлась по субподрядчикам.

Я быстро вбила названия этих пяти контор во внутреннюю базу.

Три из них были зарегистрированы в один день. У всех пяти совпали IP-адреса, с которых бухгалтеры заходили в клиент-банк для подтверждения переводов. Заявленное назначение платежей у всех пяти — «оплата консультационных и проектных услуг».

Деньги просто испарялись в воздухе, не доходя ни до одного реального станка.

И самое главное: в документах на согласование крупной закупки стояла служебная записка коммерческого департамента, подписанная лично Олегом Ратниковым. Формулировка была безупречной и гладкой, как речная галька: «В связи с критическим износом оборудования цеха № 3 и риском остановки производственного цикла согласовать поставку с единственным квалифицированным поставщиком без проведения открытых конкурсных процедур».

Срочность. Угроза срыва производства. Единственный поставщик. Отсутствие открытого конкурса.

Шестнадцать лет назад в деле моего отца фигурировала точно такая же служебная записка. Слово в слово. Тогда отец пытался заблокировать платеж, требовал осмотра складов и подтверждения отгрузки, но генеральный директор закрыл сделку своим правом подписи, а когда деньги исчезли — обвинил финансового контролера в преступной халатности и сговоре.

Схема не изменилась ни на йоту. Она просто обросла современными электронными ключами и красивыми печатями.

Тяжелая дверь кабинета щелкнула замком. На пороге появился Павел Нестеров.

Мой шеф выглядел безукоризненно: свежий синий костюм, белоснежные манжеты, аккуратно уложенные седеющие волосы. Он держал в руках тонкую кожаную папку и картонный стаканчик с нормальным кофе из кофейни на первом этаже, который молча поставил передо мной на стол.

— Держи. Выглядишь так, будто собираешься кого-нибудь четвертовать прямо на этом столе.

— Спасибо, Павел Андреевич, — я пододвинула стаканчик, вдохнув настоящий аромат арабики. — Четвертовать пока некого. Но взгляните вот сюда.

Нестеров обошел стол, наклонился к экрану и пробежал глазами по выстроенной мной цепочке транзакций. Я знала эту манеру шефа: его взгляд цеплялся за суммы, даты и назначения платежей с быстротой счетной машинки.

Через минуту он медленно выпрямился и достал из кармана шелковый платок, протирая очки: — «Северный Транзит-М». Двести сорок миллионов. Классический вывод через дробление аванса.

— И адрес в Выборге, — тихо добавила я. — Тот самый, откуда шестнадцать лет назад началось крушение «Северного Контра».

Нестеров нахмурился, пряча платок: — Вера, мы договаривались. Никаких личных проекций. Для банка адрес в Выборге — пустое место. Это может быть совпадением, старой базой данных, чем угодно. Нам нужна проверяемая системность.

— Она есть, — я развернула к нему второй монитор. — Посмотрите на формулировки в обосновании срочности закупки. Ратников использует особый регламент чрезвычайных ситуаций, принятый еще в 2010 году. По этому регламенту генеральный директор имеет право единолично одобрять авансы до трехсот миллионов без согласия комитета по аудиту и совета директоров, если заявляет угрозу аварии. За последние три года по этой статье прошло более полутора миллиардов рублей. Все поставщики — либо компании из выборгского промышленного кластера, либо связанные с ними субподрядчики.

— Полтора миллиарда... — Нестеров задумчиво постучал пальцем по столу. — Это уже прямое нарушение кредитного ковенанта. Если эти сделки притворные, банк имеет право не просто отказать в рефинансировании, но и потребовать досрочного возврата всей кредитной линии.

— Именно. Но чтобы доказать совету и кредитору, что это не разовые ошибки снабженцев, а делящаяся, управляемая схема, нам необходимо поднять исторический срез.

— Архив? — шеф остро взглянул на меня.

— Да. Данные реорганизации 2013 года и старый реестр контрагентов. Если мы сопоставим учредителей и финансовые маршруты тех фирм, через которые уходили деньги при моем отце, с нынешними поставщиками Ратникова, у нас будет неопровержимая доказательная база. Это не совпадение адресов. Это один и тот же канал, который работает полтора десятилетия под носом у совета директоров.

Нестеров вздохнул, подошел к кулеру и налил себе воды: — Ты понимаешь, что сейчас начнется? Ратников — тертый лис. Он в этом бизнесе со времен приватизации. Как только мы официально затребуем исторический архив, он поймет, куда мы метим. Он не станет устраивать скандалов. Он начнет бить процедурой.

— У нас есть мандат, подписанный Воронцовой, — напомнила я. — И меньше сорока дней до промежуточного отчета. Либо мы берем этот массив сейчас, либо через месяц банк положит наш отчет в корзину за неполноту выборки.

Нестеров помолчал, глядя на экран с цепочкой транзакций. Затем решительно кивнул: — Печатай официальное служебное требование на расширение периметра проверки. Встреча с генеральным через сорок минут в малой переговорной. Пойдем вместе.

Олег Павлович Ратников не повышал голоса.

В просторном конференц-зале на тридцать втором этаже пахло дорогим табаком и свежесваренным кофе. Генеральный директор сидел в расстегнутом сером жилете, откинувшись на спинку массивного кресла. Перед ним лежало наше официальное требование о предоставлении доступа к архивам 2008–2013 годов с синей отметкой канцелярии.

Рядом с ним сидел главный юрист холдинга — молодой, гладко выбритый мужчина с цепкими, немигающими глазами, аккуратно складывавший пальцы домиком.

— Павел Андреевич, Вера Сергеевна, — Ратников тепло, почти сочувственно улыбнулся, разведя руками. — Я ценю ваш профессиональный азарт. Честное слово, приятно видеть людей, которые так горят своей работой. Но давайте снимем шоры и трезво посмотрим на вещи. Что от нас требует банк?

Он постучал пальцем по титульному листу соглашения: — Банк требует подтвердить текущую ликвидность холдинга и чистоту действующих кредитных линий. Те-ку-щих. За последние два, максимум три года. Банку плевать, что происходило на этих заводах во времена царя Гороха. Их интересует, вернем ли мы восемь миллиардов в следующем квартале.

— Олег Павлович, — спокойно заговорил Нестеров, — по действующим договорам поставки мы видим систематическое использование регламента чрезвычайных закупок. Часть контрагентов имеет сомнительную структуру владения. Чтобы оценить масштаб финансового риска, мы обязаны проверить происхождение этих договорных связей.

— Дорогие мои, — перебил его Ратников, и в его голосе зазвучали мягкие, укоризненные нотки опытного наставника, объясняющего первоклассникам таблицу умножения. — Вы хоть представляете, сколько стоит подъем неактивных цифровых баз шестнадцатилетней давности? Это устаревшая система, данные заморожены, серверы законсервированы в стороннем дата-центре. Чтобы их развернуть, нам придется привлекать внешних ИТ-подрядчиков, платить за расшифровку, отвлекать людей от подготовки годового отчета. Каждый день вашей работы обходится акционерам в круглую копейку.

Он перевел взгляд на меня. Его глаза оставались холодными, внимательными, сканирующими: — Вера Сергеевна, я понимаю... чисто по-человечески понимаю ваше желание заглянуть в те годы. Молодость, романтика, семейные воспоминания... Вы блестящий специалист, мы все это вчера увидели. Но бизнес — вещь прагматичная. Если вы сейчас утопите группу в миллионах архивных проводок, мы просто не успеем закрыть отчет к сроку. Холдинг сорвет график банка. Линию заморозят. Тысячи рабочих на заводах останутся без зарплаты перед Новым годом. Вы готовы взять на себя такую ответственность ради удовлетворения профессионального любопытства?

Каждое его слово было выверено с точностью до миллиметра.

Никакой агрессии. Никаких прямых угроз. Идеальная, железобетонная позиция эффективного топ-менеджера: забота об акционерах, экономия бюджета, социальная ответственность перед рабочими и святые сроки банка.

Если бы на моем месте сидел неопытный ревизор, он бы отступил. Смутился, устыдился своего «эгоизма» и послушно вернулся в узкие рамки текущих счетов, оставив выборгские конторы в покое.

Я положила ладони на стол, выпрямив спину: — Олег Павлович, забота о зарплатах рабочих делает вам честь. Но именно для того, чтобы заводы не остановились, независимая проверка должна быть безупречной.

Юрист холдинга слегка приподнял бровь, а Ратников лишь добродушно наклонил голову, слушая меня.

— В регламенте банка есть пункт 4.2 ковенантного соглашения, — продолжила я ровным, сухим тоном. — Он гласит, что если ревизоры выявляют повторяющиеся признаки связанных сделок, они обязаны установить их историческую устойчивость. Компания «Северный Транзит-М» получила двести сорок миллионов аванса по чрезвычайному регламенту. Мы зафиксировали вывод этих средств на однодневные структуры. Если завтра служба безопасности банка увидит эти проводки — а она их увидит, потому что Нестеров подпишет отчет только при полном раскрытии фактов, — кредитор сочтет нашу проверку поверхностной и заблокирует рефинансирование автоматически.

Я сделала короткую паузу, глядя генеральному директору прямо в переносицу: — Нам не нужно разворачивать все серверы дата-центра. Нам требуется точечный, санкционированный доступ к ограниченному архивному массиву контрагентов 2008–2013 годов. Запрос уже зарегистрирован в канцелярии комитета по аудиту. Если руководство холдинга считает эти затраты избыточными, мы зафиксируем в сегодняшнем протоколе ограничение объема проверки со стороны генерального директора. И предоставим этот протокол банку.

За столом стало тихо.

Улыбка Ратникова застыла. На его щеках дрогнули желваки. Взять меня на испуг или прикрыть схему демагогией о зарплатах рабочих не вышло. Альтернатива, которую я положила ему на стол, была смертельна для его репутации: либо он открывает архив сам, либо банк получает официальное уведомление о том, что генеральный директор препятствует проверке сомнительных авансов.

Главный юрист холдинга тихо кашлянул и наклонился к уху шефа, что-то быстро прошептал.

Ратников медленно выдохнул через нос, откинулся на спинку кресла и снова натянул на лицо маску благожелательного спокойствия: — Ну зачем же сразу протоколы об ограничениях, Вера Сергеевна? Мы же не враги собственному холдингу. Если комитет по аудиту сочтет это необходимым — мы окажем полное содействие. Правда, архивный массив находится под особым режимом хранения. Потребуется согласие хранителей архива и IT-дирекции. Но официальный запрос... что ж, мы его принимаем.

Он размашисто чиркнул золотым «паркером» на нашем бланке: «В архивную службу. Обеспечить регламентный доступ в пределах утвержденного мандата».

— Благодарю, Олег Павлович, — Нестеров аккуратно забрал лист со стола. — Мы приступим к регламентным процедурам немедленно.

Мы вышли в лифтовый холл тридцать второго этажа.

Нестеров коротко перевел дух и взглянул на меня с кривой, уважительной усмешкой: — Ну ты и акула, Лаврова. «Зафиксируем ограничение объема проверки»... Ты видела его физиономию? Он чуть золотую ручку не перекусил.

— Он боится, Павел Андреевич, — тихо ответила я, глядя на бегущие цифры над лифтом. — Он очень боится этого архива. Значит, мы копаем в правильном направлении.

— Спускайся на двадцать шестой, готовь регламентные формы для IT-службы. Я поднимусь к Воронцовой, зафиксирую у нее визу Ратникова, чтобы он завтра не включил заднюю.

Створки лифта открылись, Нестеров шагнул внутрь и уехал на этаж комитета.

Я осталась одна у зеркальной стены. Подошла к стеклянной перегородке, отделявшей холл от галереи руководства. За окнами начинался ранний ноябрьский вечер, серое небо над Москвой затягивало тяжелыми свинцовыми тучами, в которых уже угадывался первый мокрый снег.

Шаги за спиной прозвучали тихо, почти неслышно. Но я узнала их до того, как повернулась.

Марк.

Он стоял в пяти шагах от меня, у входа в свой кабинет председателя совета. Темно-синее шерстяное пальто расстегнуто, в руке тонкий кожаный портфель. Без галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута. Под глазами залегли глубокие, серые тени — он выглядел человеком, который не спал эти трое суток точно так же, как и я.

— Привет, — негромко сказал он.

Голос был уставшим и глухим. В нем не было ничего от того властного председателя, который в понедельник входил в зал заседаний.

Я заставила себя не отступить назад. Пальцы в карманах брюк сжались в кулаки.

— Здравствуйте, Марк Дмитриевич.

Он поморщился, словно от зубной боли: — Не надо, Вера. Пожалуйста. Здесь никого нет.

— Здесь везде камеры холдинга, — мой голос оставался ледяным и подчеркнуто сухим. — И мы оба подписали протокол о конфликте интересов. Любой наш неформальный контакт может быть расценен как нарушение условий мандата.

Марк сделал полшага вперед, но тут же замер, словно наткнувшись на невидимую стену. Он держал дистанцию. Он помнил наш разговор в прихожей.

— Я знаю, что ты запросила исторический архив, — быстро произнес он вполголоса. — Ратников только что звонил мне. Он в бешенстве. Пытался убедить меня созвать внеочередное заседание совета, чтобы заблокировать расширение проверки.

Сердце внутри пропустило короткий удар, но лицо осталось неподвижным: — И что вы ему ответили?

— Я напомнил ему, что взял самоотвод по всем вопросам, связанным с вашей проверкой, — Марк пристально смотрел мне в глаза, и в его взгляде плескалась темная, невыносимая мука. — Вера, послушай меня. Только одну минуту. Не лезь к хранителям архива напрямую через канцелярию Ратникова. Он не отдаст тебе базу так просто. Он затянет регламент согласования на две недели, выставит технические сбои, потеряет ключи шифрования.

— Вы предлагаете мне помощь, Марк Дмитриевич? — я горько усмехнулась. — Решите вопрос своим звонком? Прикажете положить мне на стол папочку с компроматом на дядю Олега?

— Я могу сам поднять вопрос перед Воронцовой и архивной службой, — тихо сказал он. — Потребовать, чтобы регламент не растягивали на две недели и второй ключ запросили сегодня.

Искушение было чудовищным.

Получить массив прямо сейчас. Не тратить драгоценные дни на борьбу с юристами Ратникова. Увидеть старые проводки, найти имена, закрыть расследование...

Но это была ловушка. Та самая ловушка, в которую он затягивал меня все три года нашей совместной жизни. Сделать Марка источником правды. Принять из его рук готовую, профильтрованную порцию информации. Позволить ему снова стать спасителем, решателем проблем, человеком, от чьей милости зависит результат моей работы.

А главное — любой документ, полученный в обход официального мандата из рук мужа-акционера, мгновенно превратил бы весь наш будущий отчет в юридический мусор. Ратников разнес бы его в суде за пять минут.

Я посмотрела Марку прямо в глаза.

— Нет, — отчеканила я каждое слово.

Он замер.

— Вера, это может сэкономить тебе несколько дней...

— Если вы передадите мне хоть одну служебную записку, хоть один файл в обход официальной процедуры — я положу на стол Нестерова заявление о срыве проверки по вине акционера. Вы меня поняли?

Марк медленно опустил плечи. Ткань пальто натянулась. Он смотрел на меня так, будто я резала его по живому без наркоза.

— Ты ненавидишь меня, — глухо произнес он. Это был не вопрос.

— Я делаю свою работу, — я сделала шаг к лифту. — Точно так же, как делал ее мой отец. По правилам, по закону и под протокол. Держите дистанцию, Марк Дмитриевич. Она нужна нам обоим.

Я нажала кнопку вызова, не оглядываясь. Двери открылись, я шагнула в кабину, и створки отрезали его высокую, неподвижную фигуру, оставшуюся в полутемном коридоре.

На двадцать восьмом этаже, в отделе архивного хранения и цифровой безопасности, пахло холодным металлом и озоном от мощных серверных стоек.

Начальник архивного контура — сухой, пожилой инженер в очках с толстыми стеклами по фамилии Гусев — долго и придирчиво изучал наше служебное требование с размашистой визой генерального директора.

— Да, — наконец произнес он скрипучим, прокуренным голосом, глядя на нас с Нестеровым поверх очков. — Распоряжение Олега Павловича вижу. Штамп комитета по аудиту стоит.

— Когда мы сможем получить терминал для выгрузки реестра контрагентов 2008–2013 годов? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал предельно деловито.

Гусев снял очки, достал фланелевую тряпочку и принялся методично протирать стекла: — Терминал, говорите... Видите ли, Вера Сергеевна, этот массив данных — так называемый слепок L-2013. Он был создан при переходе на новую систему управления холдингом тринадцать лет назад. Это не обычная база, в которую можно зайти под стандартным паролем. Это зашифрованный образ старого спора акционеров, находящийся под двойным замком.

— Что значит — под двойным замком? — нахмурился Нестеров.

— Это значит, что у него два хранителя, — Гусев водрузил очки обратно на переносицу. — Физический сервер стоит здесь, у нас. А второй контрольный ключ шифрования и резервная копия находятся у независимого внешнего хранителя данных. И доступ к этому слепку... — он помедлил, постучав сухим пальцем по монитору, — заблокирован специальным регламентом. Приказом генерального директора № 14-А от двенадцатого мая 2014 года.

Внутри меня все напряглось.

— Каким приказом? На каком основании?

— На основании соглашения о конфиденциальности при создании «МДК Групп», — сухо ответил архивариус. — Доступ к историческому массиву «Северного Контура» закрыт для любых внутренних пользователей. Снять эту блокировку и запросить второй ключ у внешнего хранителя можно только по отдельному протоколу допуска.

Я медленно перевела дыхание.

Вот она, настоящая линия обороны Ратникова. Он подписал наше требование на тридцать втором этаже только потому, что знал: внизу нас встретит глухая стена его собственного старого приказа. Он не отказывал нам в лицо — он просто отправил нас штурмовать запертый сейф, ключ от которого лежал в его собственном кармане.

— Регистрируйте наш запрос, — сказала я твердо, пододвигая к Гусеву журнал входящей корреспонденции. — Прямо сейчас. Входящий номер, точное время и перечень запрашиваемых таблиц.

Архивариус тяжело вздохнул, взял тяжелую перьевую ручку и вывел синими чернилами: «Вх. № 412/АРХ от 17:45. Запрос на предоставление слепка L-2013».

Штамп с грохотом опустился на белую бумагу.

Первый след был официально зафиксирован. Запрос ушел в систему.

Я вышла из душной серверной в пустой коридор и посмотрела на электронные часы на стене.

Четвертый день подходил к концу. До промежуточного отчета оставалось тридцать девять дней.

Где-то в темных недрах этих заблокированных серверов лежала правда о том, как шестнадцать лет назад уничтожили моего отца. И тот факт, что Ратников всеми силами держал эту дверь на замке, доказывал главное: прошлое не умерло.

Оно дышало мне в спину прямо здесь, в этих стеклянных коридорах.

## Глава 5

*Вера*

Утро шестого дня началось не с кофе, а с сухого шелеста официальных выписок.

В гостиничном номере было холодно: окно выходило на северную сторону, и сквозь щель в стеклопакете тянуло промозглым ноябрьским сквозняком. Я сидела на кровати, поджав ноги, куталась в шерстяной кардиган и методично листала на ноутбуке открытые базы данных. Единственный государственный реестр юридических лиц, картотека арбитражных дел, вестники государственной регистрации, раскрытия списков аффилированных лиц за последние пятнадцать лет.

Все эти дни один вопрос не давал мне спать: как я могла не заметить?

Я — старший аналитик крупной финансовой компании. Женщина, которая по трем косвенным признакам в бухгалтерском балансе может определить скрытого бенефициара в офшорной юрисдикции. Как я прожила три года под одной крышей с человеком, делила с ним постель, варила ему суп, гладила его рубашки — и ни разу, ни единой секундой не заподозрила, кто он такой?

Ответ оказался до оскорбительного прост. Передо мной на экране лежала официальная архивная справка из органов ЗАГС, полученная через наш юридический департамент в рамках подтверждения данных для проверки.

Тихонов Марк Дмитриевич.

Никаких поддельных паспортов. Никаких фальшивых личностей или поддельных печатей, какие показывают в дешевых детективных сериалах. Мой муж жил под своим настоящим, законным именем.

Его мать, Анна Викторовна Тихонова, была первой, непубличной женой Дмитрия Черногорова. Они развелись, когда Марку было всего шесть лет. Мать вернула себе девичью фамилию, забрала сына и уехала в Петербург, категорически отказавшись от шумихи, окружавшей растущую сырьевую империю бывшего мужа. Когда шестнадцать лет назад Черногоров-старший внезапно умер от инсульта в разгар скандала вокруг «Северного Контура», семнадцатилетний Марк по закону взял фамилию матери. Он просто не захотел нести на себе чужую славу — и чужую грязь.

Я закрыла глаза, потирая пульсирующие виски.

Ни одна стандартная проверка перед свадьбой не выдала бы совпадения. Фамилия матери. Отчество — распространенное. Сам холдинг «МДК Групп» возник лишь спустя несколько лет после гибели империи Черногорова: его собрали из нескольких разрозненных металлургических производств и машиностроительных заводов. Он не являлся прямым юридическим правопреемником «Северного Контура», не использовал его товарные знаки, не публиковал в своих буклетах старую историю. Генеральным директором новой группы стал Олег Ратников, чья фамилия шестнадцать лет назад мелькала лишь внизу второстепенных коммерческих договоров и никогда не попадала в громкие газетные заголовки.

А Марк... Марк никогда не стремился в телевизор. Он получил блестящее инженерное образование в Бауманке, открыл свое проектное бюро и занимался тем, что действительно любил, — чертежами, модернизацией прокатных станков, расчетами нагрузок.

Его пакет акций в холдинге не был куплен на бирже. Он достался ему по наследству от отца — как доля в том самом первом заводе, вокруг которого позже выросла «МДК Групп». Сам пакет не давал ему исполнительной роли: совет директоров собирался раз в месяц, текущие вопросы решались дистанционно, дивиденды уходили в закрытый семейный фонд.

Марк не играл в инженера. Он им был.

Просто за его спиной стояло состояние, о масштабах которого он сознательно решил мне не сообщать.

«Я не тащил эти активы в наш дом, потому что ненавидел все, что связано с той войной», — звучал в ушах его глухой, оправдывающийся голос.

Ложь умолчания. Самая удобная, самая безопасная форма предательства. Ты вроде бы не произносишь фальшивых слов, ты просто закрываешь дверь на ключ и прячешь ключ в карман, искренне убеждая себя, что спасаешь близкого человека от сквозняка.

В восемь тридцать я вошла в наш изолированный кабинет на двадцать шестом этаже башни.

Павел Нестеров уже сидел за столом, обложившись распечатками банковских регламентов. Перед ним дымилась большая кружка с кофе, а в воздухе стояло то тяжелое, собранное напряжение, которое всегда предшествует жестким переговорам.

— Доброе утро, Вера, — он поднял голову, окинув меня цепким взглядом. — Выглядишь лучше, чем вчера. Держишься?

— Держусь, Павел Андреевич. Нам нужно закрыть вопрос по конфликту интересов для комитета.

— Да, — Нестеров подвинул ко мне тонкую картонную папку. — Воронцова звонила полчаса назад. Банк утвердил предложенную тобой схему: ты остаешься старшим аналитиком, твои выкладки идут на слепую перепроверку второй команде, подпись под финальным отчетом ставлю только я. Но кредитор требует предоставить исчерпывающий реестр личных и имущественных связей председателя совета директоров с проверяемым периметром. Нам нужны документы по происхождению его доли и по всем операциям его личного фонда за последние три года.

Я опустила на рабочий стул, аккуратно положив руки на гладкий пластик стола: — У нас нет прямого доступа к личным счетам Марка. И по закону наш мандат распространяется только на бухгалтерию самого холдинга.

— В том-то и дело, — помрачнел шеф. — Если мы начнем копать под личный фонд председателя через общие каналы, Ратников моментально обвинит нас в превышении полномочий и сборе конфиденциальной информации. А если не предоставим банку подтверждение независимости активов Марка, кредитор сочтет, что председатель может скрыто финансировать сомнительных подрядчиков через свои структуры.

Я посмотрела на пустую стену перед собой.

Самым простым и быстрым решением было бы открыть ноутбук, зайти в наш домашний сетевой диск, к которому у меня оставался пароль, или позвонить Марку напрямую. Он сам вчера предлагал мне помощь. Он бы отдал мне любые выписки за пять минут, лишь бы я заговорила с ним, лишь бы уменьшить ту ледяную дистанцию, которую я выстроила между нами.

Но это значило бы нарушить профессиональную этику. Спуститься до уровня семейных разборок на служебном столе. Если я хоть раз воспользуюсь негласным доступом, если приму от мужа хоть один файл в обход официального протокола, я перестану быть независимым ревизором. Я стану соучастницей его игр.

— Мы не станем просить у него документы неформально, — твердо сказала я.

Нестеров с облегчением выдохнул: — Рад это слышать. Я боялся, что ты поддашься искушению срезать угол.

— Никаких срезанных углов. Мы направим официальный запрос через независимого юридического консультанта холдинга на имя личного адвоката Марка. Запрос в рамках процедуры добровольного раскрытия конфликта интересов. Срок — до шестнадцати ноль-ноль сегодняшнего дня. Либо Марк Дмитриевич добровольно передает перечень операций своего фонда, относящихся к историческим активам и проверке, либо мы фиксируем отказ в протоколе для банка.

— Жестко, — хмыкнул Нестеров, открывая почтовую программу. — Ты ставишь собственного мужа в угол под надзором чужих юристов.

— Он сам себя туда поставил, когда вошел в зал заседаний три дня назад, — отрезала я. — Отправляйте запрос, Павел Андреевич.

Ответ пришел неожиданно быстро — в два часа дня.

Личный адвокат Марка не стал затягивать регламент, не потребовал дополнительных разъяснений и не попытался оспорить правомерность нашего требования. В канцелярию комитета по аудиту курьером был доставлен запечатанный крафтовый конверт с личной печатью доверенного управляющего семейными активами Черногоровых-Тихоновых.

К конверту было приложено короткое сопроводительное письмо, подписанное лично Марком.

Его ровный, чуть сжатый почерк с резкими росчерками на заглавных буквах я узнала бы из тысячи. Сколько раз я видела эти буквы на стикерах, оставленных на холодильнике, на форзацах книг, которые он дарил мне на праздники...

«Настоящим даю согласие на предоставление компании «Аверс Форензик» выписки из реестра исторических активов и реестра специальных целевых расходов личного фонда за период с 2020 по 2026 год в объеме, необходимом для подтверждения отсутствия конфликта интересов. Тихонов М.Д.»

Никаких приписок на полях. Никаких личных обращений. Ни единой попытки смягчить тон. Он принял мои правила игры с той же холодной, безупречной точностью, с какой я их установила.

— Вскрывай, — Нестеров пододвинул конверт ко мне, положив рядом канцелярский нож. — Твоя инициатива — тебе и смотреть.

Я взяла нож. Тонкое стальное лезвие с легким хрустом разрезало плотную бумагу. Внутри лежала подшивка документов, скрепленная нотариальной лентой с гербовой печатью.

Первая часть подтверждала то, что я уже нашла утром в открытых реестрах, но с абсолютной финансовой детализацией.

Действительно, Тихонов — официальная фамилия. Пакет акций в «МДК Групп» составлял крупную, но не контролируемую долю: у него не было единоличного права назначать или увольнять генерального директора, он не мог в одиночку распустить совет. Актив перешел к нему в порядке универсального правопреемства после смерти Дмитрия Черногорова, прошел через сложную процедуру очистки от старых долгов и в 2014 году был внесен в уставный капитал вновь создаваемой группы в обмен на акции холдинга. Все дивиденды направлялись на отдельный банковский счет и никогда не пересекались с текущими контрактами Ратникова.

Здесь не было криминала. Не было скрытых офшоров. Все было чисто, прозрачно и законно.

Я перевернула страницу, переходя ко второй части пакета — реестру специальных целевых расходов личного фонда Марка.

Это был перечень оплат внешним консультантам, экспертам и юридическим фирмам, которые привлекались для обслуживания личных дел семьи за последние шесть лет. Обычные строки: налоги на недвижимость, аудит проектного бюро, оплата патентных поверенных для чертежей, страхование оборудования...

Мой взгляд скользил вниз по аккуратной таблице.

2021 год — чисто. 2022 год — стандартные расходы. 2023 год.

Я дошла до середины страницы, и буквы перед глазами внезапно задрожали.

Строка № 84. Дата транзакции: 18 апреля 2023 года. Получатель платежа: Адвокатское бюро «Лебедев и партнеры». Назначение платежа: Оплата консультационных услуг по договору № 12-АРХ от 12.04.2023 г. («Архивно-историческое исследование структуры управления и

финансового контроля холдинга «Северный Контур» за 2008–2010 гг.»). Сумма: 1 800 000 рублей.

Восемнадцатое апреля две тысячи двадцать третьего года.

В комнате словно выключили звук. Я перестала слышать гудение кондиционера, мерный стук пальцев Нестерова по клавиатуре, шум машин за далекими окнами башни.

Я смотрела на эти цифры, и в груди поднималась холодная, черная волна, от которой перехватывало дыхание.

Восемнадцатое апреля.

Мы познакомились с Марком двенадцатого мая две тысячи двадцать третьего года.

Ровно через три недели и три дня после того, как его личный фонд перевел почти два миллиона рублей за закрытое исследование старого архива компании моего отца.

Три недели.

В моей памяти вспыхнул тот весенний день. Теплый май, пахнущий молодой листвой и мокрым асфальтом после первой грозы. Парк Горького. Я бегу под проливным дождем, прижимая к груди тяжелую стопку учебников и распечаток по финансовому учету, туфли безнадежно промокли, подол светлого плаща в брызгах грязи... И этот высокий парень в темно-синей ветровке, который словно из ниоткуда возник рядом под козырьком павильона.

Он протянул мне свой большой черный зонт. У него были мокрые волосы, растрепанная челка и открытая, чуть застенчивая улыбка: — «Девушка, возьмите. Мой чертеж все равно уже промок, а ваши конспекты по финансовому анализу растворятся в воздухе через минуту».

Я тогда рассмеялась. Спросила, как он понял, что это финансовый анализ.

Он кивнул на верхний титульный лист, где крупными буквами было напечатано название темы: «Методы выявления связанных сторон в процедурах несостоятельности».

— «У меня глаз наметан на скучные таблицы, — весело ответил он. — Я инженер. У нас чертежи тоже весельем не отличаются. Меня Марк зовут».

Случайная встреча. Романтическая сцена из фильма, в которую я, двадцатичетырехлетняя дура, поверила всем сердцем. Я была так горда тем, что он полюбил меня — обычную девчонку из скромной семьи, работающую младшим аналитиком за гроши, живущую с больной матерью в полупустой квартире на окраине. Он не дарил мне дорогих машин, не водил по пафосным ресторанам — мы гуляли по набережным, ели мороженое и мечтали о том, как однажды купим маленький домик в Подмосковье.

А за три недели до этого его фонд оплатил архивно-историческое исследование старого краха моего отца.

— Вера? — голос Нестерова донесся словно сквозь толщу воды. — Что там? Нашла что-то подозрительное?

Я судорожно сжала край листа, едва не разорвав плотную бумагу. Ногти побелели. Я заставила себя сделать медленный, глубокий вдох. Выдох.

«Соберись, Лаврова. Соберись. Ты аналитик. Только факты».

— Нет, — мой голос прозвучал глухо, но достаточно уверенно. — Корпоративная цепочка чистая. Доля Марка Дмитриевича сформирована исключительно за счет активов Черногорова-старшего. Прямых пересечений с текущими счетами подрядчиков Ратникова нет. Конфликт носит чисто статусный характер.

Нестеров облегченно откинулся на спинку кресла: — Слава богу. Значит, банк не сможет придаться к происхождению его капитала. Подшивай эти документы к нашему регистрационному пакету для Воронцовой. Мы закроем процедуру раскрытия сегодня до конца рабочего дня.

— Да, — тихо ответила я. — Конечно.

Шеф уткнулся обратно в свой монитор, а я снова опустила глаза на строчку номер восемьдесят четыре.

Здесь не было подробностей.

В краткой банковской выписке не раскрывалось содержание этого отчета. Не было копии договора с адвокатским бюро, не было технического задания, не было счетов-фактур с указанием конкретных фамилий. Только сухое назначение: «Архивно-историческое исследование структуры управления и финансового контроля холдинга «Северный Контур»».

Я не знала, что именно искали эти адвокаты.

Искал ли Марк старые бухгалтерские проводки, пытаясь понять, почему шестнадцать лет назад умер его отец? Искал ли он доказательства против Ратникова? Или... или его целью с самого начала была семья Лавровых? Наша квартира? Документы, которые могли остаться у моего отца перед смертью?

Или его целью была я?

Документ передо мной не давал ответа. Он фиксировал только факт: за три недели до нашего знакомства Марк Тихонов тратил миллионы рублей на исследование старого дела Сергея Лаврова.

Версия о совершенно случайной встрече дала глубокую трещину, но еще не рассыпалась окончательно. Этот перевод не доказывал, что целью исследования была лично я. Он лишь делал вопрос о нашем знакомстве слишком серьезным, чтобы его можно было снова утопить в молчании.

Я медленно перевернула лист, закрывая выписку чистой обложкой.

Руки не дрожали. Внутри, под слоем разрывающей боли, рождалось новое, холодное и безжалостное чувство.

Марк по-прежнему не отвечал на главный вопрос. Но теперь у меня был документированный след, который нельзя было объяснить одним семейным совпадением. Зарегистрированный, подшитый к делу, имеющий входящий номер и печать.

Я пододвинула клавиатуру и открыла внутреннюю форму подготовки документов для заседания комитета по аудиту.

Завтра Воронцова получит полный пакет раскрытия. А я сделаю следующий шаг. Потому что теперь я точно знала: чтобы понять, кем был мой муж все эти три года, мне придется до конца пройти по следу, который он оставил три года назад в реестре собственного семейного фонда.

## Глава 6

*Вера*

На седьмой день тишина вокруг меня взорвалась.

Это началось в половине девятого утра, прямо в холле первого этажа. Я приложила свой временный электронный пропуск к турникету, металлическая планка щелкнула, и в спину мне тут же ударил приглушенный, ядовитый шепот.

— Смотри, идет... Та самая.

Я не обернулась. Выпрямила спину, крепче перехватила ремень рабочей сумки и сделала шаг вперед. Но стоило подойти к скоростным лифтам, как двое сотрудников финансового департамента — молодые парни в одинаковых узких костюмах, которых я вчера видела в столовой, — мгновенно замолчали, отвели глаза в сторону и сделали вид, что увлеченно изучают график биржевых котировок на настенном экране.

В зеркальных дверях лифта отражались десятки настороженных, колющих взглядов.

Слух по холдингу не просто пополз — он пронесся со скоростью лесного пожара. Кто-то за ночь аккуратно и расчетливо вбросил во внутреннюю корпоративную сеть и разослал по закрытым чатам руководителей подразделений короткое анонимное сообщение. Без мата, без прямых оскорблений — только сухие факты, поданные с хирургической жесткостью:

«Старший аналитик привлеченной независимой компании «Аверс Форензик» Лаврова В.С. является законной супругой председателя совета директоров холдинга Тихонова М.Д. Одновременно Лаврова В.С. является родной дочерью Сергея Лаврова — бывшего финансового контролера «Северного Контура», обвиненного шестнадцать лет назад в хищении средств холдинга. Текущая ревизия коммерческого блока — спланированная семейная акция».

Воздух в кабине лифта казался удушливым, пропитанным чужим любопытством и злорадством.

Мое имя привязали к имени отца. Шестнадцать лет позора, сердечных приступов, шепотков за спиной мамы в поликлинике, нищеты на окраине города — все это вытащили на свет, отряхнули от пыли и вывесили на всеобщее обозрение перед сотнями чужих людей. А сверху припечатали фамилией мужа.

«Семейная акция».

Они думали, что я пришла сюда мстить. Или выбивать долю. Или прикрывать махинации Марка.

Когда я вошла в наш кабинет на двадцать шестом этаже, Павел Нестеров уже стоял у окна. Пиджак брошен на спинку стула, рукава рубашки закатаны до локтей, телефон прижат к уху.

— ...Я повторяю: мы не станем отзываться команду по анонимной записке! — рявкнул он в трубку. — У нас есть утвержденный мандат! Да мне плевать, кто там нервничает в приемной!

Он с грохотом швырнул смартфон на стол, повернулся ко мне и тяжело выдохнул: — Началось, Вера.

— Я видела лица внизу, — спокойно ответила я, хотя внутри все дрожало мелкой, ледяной дрожью. — Откуда утечка?

— Из канцелярии комитета, похоже, — зло усмехнулся шеф. — Наш вчерашний пакет раскрытия личных активов Марка лег на стол Воронцовой в семнадцать ноль-ноль. В девятнадцать часов сведения уже гуляли по закрытым каналам. Кто именно запустил рассылку, пока не доказано. Но Ратников уже использует ее как оружие: через двадцать минут — внеплановое совместное заседание комитета по аудиту и представителей совета директоров. Нас вызывают на ковер.

— Ратников требует моего отстранения?

— Хуже. Он требует расторжения договора с «Аверсом» в целом. Заявляет, что наличие в группе жены председателя и дочери Лаврова превращает независимую проверку в инструмент шантажа. Он уже подготовил проект резолюции для совета.

Нестеров подошел ко мне, положил тяжелую ладонь мне на плечо и заглянул в глаза: — Ты выдержишь, Вера? Если нет — скажи прямо сейчас. Я поднимусь один. Скажу, что у тебя гипертонический криз, оформлю больничный, выведу тебя из холдинга без потери репутации. Никто в нашей фирме не бросит в тебя камень. Ты сделала больше, чем должна была.

Я посмотрела на свои пальцы. Они были холодными, но не дрожали.

Уйти сейчас? Сбежать через черный ход, пока они будут полоскать имя моего отца на тридцать втором этаже? Позволить Ратникову снова выиграть, прикрывшись чужим позором, и оставить Марка один на один с его невыносимой, замалчиваемой правдой?

— Нет, Павел Андреевич, — я убрала со лба выбившуюся прядь и застегнула пуговицу пиджака. — Мы пойдем вместе. И мы заставим их играть по закону.

В зале заседаний на тридцать втором этаже было не продохнуть от напряжения.

Здесь собрались почти все: Ирина Воронцова во главе стола, Андрей Смирнов — второй независимый директор и член комитета по аудиту, еще один член комитета, главный юрист холдинга и генеральный директор Олег Ратников.

В дальнем углу, чуть в стороне от основного овального стола, на отдельном кожаном стуле сидел Марк.

Он был в темно-синем костюме, идеально выбрит, с безупречно завязанным галстуком. Но его поза выдавала чудовищное внутреннее напряжение: руки сцеплены в замок между коленями, плечи жестко зафиксированы, челюсти сжаты так, что кожа на скулах казалась прозрачной. Когда мы вошли, он поднял на меня глаза — и в этом взгляде было столько глухой, бесильной вины, что мне физически захотелось отшатнуться.

Он не имел права вмешаться. По закону, по нашему собственному соглашению, по протоколу отвода — он был обязан молчать. И это молчание сейчас жгло его изнутри.

— Проходите, коллеги, садитесь, — голос Ирины Воронцовой звучал сухо и резко. На ее столе лежали распечатки утренних анонимных писем. — Времени у нас нет. Служба безопасности банка уже запросила официальные разъяснения по поводу появившихся в сети сведений. Олег Павлович, вы требовали экстренного заседания. Излагайте.

Ратников тяжело поднялся с места.

Куда делась его мягкая, отеческая улыбка из четвертой главы. Сейчас передо мной стоял матерый, безжалостный хищник, почуявший запах крови. Он уперся мясистыми кулаками в полированное дерево стола, подавшись вперед всем своим массивным телом:

— Господа! Я считаю, что происходящее перешло все мыслимые границы разумного. Мы нанимали внешнюю ревизионную компанию для объективной оценки финансовой стабильности группы перед банком. А что мы получили?

Он обвел присутствующих гневным взглядом: — Мы получили в святая святых холдинга двух людей с прямым, вопиющим личным интересом! Председатель совета директоров Марк Дмитриевич Тихонов, пользуясь своим положением, фактически заводит в компанию собственную супругу. Но и этого мало! Эта дама — родная дочь Сергея Лаврова. Человека, чья фамилия шестнадцать лет назад стала синонимом предательства и кражи сотен миллионов рублей из «Северного Контура»!

— Олег Павлович, выбирайте выражения, — ледяным тоном оборвала его Воронцова. — Мы находимся на официальном заседании, идет аудиозапись.

— А я выбираю выражения, Ирина Борисовна! — рывкнул Ратников, ткнув толстым пальцем в мою сторону. — Какая здесь может быть независимость?! Чего ищет эта девочка в наших текущих контрактах? Чистоты для банка? Нет! Она ищет способ свести старые счета за своего папашу! Она парализует работу коммерческого департамента, запрашивает старые

архивы, пытается очернить честные производственные контракты! Если банк узнает, ЧТО ревизоры сидят на наших счетах, нам не просто откажут в рефинансировании — от холдинга отвернутся все контрагенты! Я требую немедленного, сиюминутного расторжения соглашения с компанией «Аверс» и выдворения госпожи Лавровой из этого здания!

Несколько секунд никто не отвечал. Члены комитета переглядывались. Независимый директор Смирнов нервно протирал очки. Доводы Ратникова звучали убедительно для любого внешнего наблюдателя: репутационный риск был колоссальным.

Я почувствовала, как со своего места медленно привстал Марк.

Его пальцы на спинке стула побелели. Он открыл рот, готовый нарушить протокол, готовый обрушить свой статус председателя и крупнейшего акционера на голову генерального директора, готовый спасти меня ценой публичного скандала...

Я перехватила его взгляд. Жестко. Безжалостно. Качнула головой: «Не смей».

Если Марк заговорит сейчас — мы проиграли. Его защитная речь лишь подтвердит версию Ратникова: председатель спасает жену, семья Черногорова использует власть, чтобы прикрыть ревизора. Нас сомнут в ту же секунду.

Марк замер. На его шее вздулась темная жила. Он с трудом сглотнул, опустил плечи и медленно опустился обратно на стул, стиснув зубы.

Я сделала глубокий вдох, положила ладони на гладкую папку с документами и поднялась на ноги.

— Ирина Борисовна, разрешите мне ответить?

— Говорите, Вера Сергеевна, — кивнула Воронцова, внимательно наблюдая за мной сквозь тонкие стекла очков.

Я не стала смотреть на Ратникова. Я смотрела прямо на членов комитета по аудиту — тех людей, чья подпись решала судьбу проверки.

— Олег Павлович абсолютно прав в одном, — мой голос прозвучал удивительно спокойно, прозрачно и четко, отражаясь от стеклянных перегородок. — Любые сомнения в независимости проверки уничтожают доверие банка. Это аксиома. Но давайте на секунду отложим эмоции и посмотрим на то, к чему призывает генеральный директор.

Я сделала шаг к центру стола: — Что увидит служба безопасности банка, если холдинг сегодня расторгнет мандат с компанией «Аверс Форензик»?

Я сама ответила на свой вопрос, загибая пальцы: — Банк увидит, что три дня назад независимые ревизоры выявили сомнительный аванс в двести сорок миллионов рублей компании «Северный Транзит-М» с признаками однодневки. Банк увидит, что ревизоры официально затребовали исторический архив для проверки схожих цепочек. И ровно на следующий день после этого требования генеральный директор холдинга устраивает скандал, организует утечку личных данных и вышвыривает проверяющих за дверь. Какой вывод сделает кредитный комитет банка, господа?

Смирнов медленно опустил очки на стол. На лице Воронцовой промелькнуло понимание.

— Банк сделает единственный логичный вывод, — продолжила я, глядя в потемневшие глаза Ратникова. — Руководство холдинга панически боится выводов проверки и использует семейный статус аналитика как удобный предлог, чтобы скрыть вывод активов. Кредитная линия будет заморожена в течение суток. Начнется процедура принудительного истребования задолженности. Это дефолт.

— Да как вы смеете!.. — вскинулся Ратников, но Воронцова подняла сухую ладонь, останавливая его окрик: — Тишина! Продолжайте, Вера Сергеевна. Каковы ваши предложения?

— Процедурные гарантии, которые невозможно оспорить ни в одном суде, — четко произнесла я. — Мы не прячем конфликт интересов. Мы выносим его на свет и упаковываем в жесткий юридический каркас.

Я открыла свою папку и передала секретарю комитета заранее отпечатанные листы: — Первое. В официальный протокол заседания вносится безоговорочный самоотвод председателя совета директоров Марка Дмитриевича Тихонова по всем вопросам, связанным с проверкой. Он не голосует. Он не высказывает рекомендаций. Он не имеет права знакомиться с рабочими документами группы до момента их передачи совету. Передача его права голоса другим членам совета запрещена регламентом. Он полностью изолирован от процесса.

Секретарь быстро застучала по клавишам ноутбука. Марк сидел неподвижно, глядя в пол, принимая это публичное лишение власти над ситуацией как должное.

— Второе, — мой голос стал еще тверже. — Мой личный статус. Я уже отказалась от роли руководителя группы на третий день. Теперь мы делаем следующий шаг. Вносится изменение в регламент взаимодействия: мое имя полностью исключается из перечня лиц, формирующих окончательные выводы. Единственным лицом, имеющим право подписи итогового отчета, является партнер «Аверс Форензик» Павел Андреевич Нестеров. Он отвечает за каждое слово своей лицензией и репутацией фирмы.

— А ваша роль? — прищурился Смирнов. — Если вы остаетесь в группе, подозрения останутся.

— Моя роль сводится исключительно к черновой обработке массивов данных и построению математических моделей, — ответила я. — И здесь вступает в силу третий, главный рубеж защиты: двухступенчатое независимое воспроизведение.

Я повернулась к членам комитета: — Любая найденная мной сомнительная операция, любая цепочка связанных фирм будет передаваться параллельной аналитической группе «Аверс» в Москве. Вторая группа, которая не находится в этом здании и не имеет никаких личных связей с холдингом, проведет слепой повторный пересчет всех транзакций по моим формулам. Если их результат совпадет с моим на сто процентов — факт признается установленным. Если возникнет хоть одно расхождение — вывод аннулируется.

В комнате стало очень тихо. Даже Ратников замолчал, тяжело дыша через нос.

— И последнее, — закончила я, глядя прямо в глаза Ирине Воронцовой. — Если со стороны руководства холдинга или лично генерального директора будут зафиксированы попытки давления, саботажа или ограничения санкционированного доступа к архивам — компания «Аверс» не станет спорить. Мы просто передадим банку промежуточный реестр выявленных аномалий с пометкой: «Проверка заблокирована менеджментом». Решайте, господа. Либо вы утверждаете этот регламент и мы продолжаем работу, либо вы закрываете проверку и встречаете проверку Центрального банка.

Я села на свое место. Под столом мои колени дрожали от колоссального нервного напряжения, но руки на столе лежали ровно и спокойно.

Воронцова сняла очки, аккуратно сложила их в футляр и посмотрела на генерального директора: — Олег Павлович. Согласно уставу холдинга, выбор внешнего ревизора и утверждение порядка проверки относится к исключительной компетенции комитета по аудиту. Генеральный директор не имеет права единолично отстранять подрядчика, выбранного под требования банка. Ваше требование о расторжении контракта отклоняется.

Лицо Ратникова налилось багровым цветом: — Ирина Борисовна, вы совершаете роковую ошибку...

— Ошибку совершил тот, кто слил личные данные сотрудников в корпоративную сеть, создав угрозу кредитной линии, — отрезала глава комитета. — Служба безопасности уже начала внутреннее расследование по факту утечки. А теперь перейдем к голосованию комитета.

Она обвела взглядом членов совета: — Кто за утверждение регламента защитных мер, предложенного компанией «Аверс»?

Три руки поднялись мгновенно: Воронцова, Смирнов и третий член комитета.

— Единогласно, — зафиксировала Воронцова. — Секретарь, внесите в протокол: председатель совета директоров Тихонов М.Д. в голосовании участия не принимал в связи с заявленным самоотводом. Передача голоса не производилась.

Она захлопнула черную папку: — Заседание закрыто. Всем спасибо.

Ратников вылетел из зала первым.

Он даже не стал собирать бумаги — просто сгреб их со стола, тяжело шагнул к дверям и, проходя мимо меня, бросил тихий, прошипевший сквозь зубы звук: — Ну держись, Лаврова. Ты пожалеешь, что переступила порог этого здания.

Дверь с грохотом захлопнулась за его широкой спиной.

Директора начали расходиться. Нестеров, довольно потирая руки, собирал свои заметки: — Чистая победа, Вера. Абсолютно чистая. Я сейчас же отправлю дополнение к регламенту кредитному офицеру банка. Они утвердят его за полчаса, им нужны твердые гарантии, а мы им дали тройную броню. Пошли вниз.

— Идите, Павел Андреевич, — тихо сказала я. — Я догоню вас через минуту.

В пустующем зале осталась только Ирина Воронцова. Она методично укладывала документы в кожаный портфель. Когда за последним юристом закрылась дверь, она подняла голову и посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом ревизора со стажем.

— Вы хорошо держали удар, Вера Сергеевна, — произнесла она без улыбки. — Очень профессионально. Большинство женщин на вашем месте расплакались бы или начали обвинять генерального директора в клевете.

— Слезы не входят в методологию финансового анализа, Ирина Борисовна.

— Это правда, — Воронцова застегнула замок портфеля и подошла ко мне вплотную. Ее голос стал тихим, лишенным официального металла, но от этого еще более тяжелым: — Но запомните то, что я вам сейчас скажу. Вы только что связали свое имя с историей вашего отца публично. Теперь для всего холдинга вы — Лаврова. Дочь человека, которого здесь считают преступником.

Она выдержала паузу, глядя мне прямо в зрачки: — Комитет защитил вас ради сохранения кредитной линии. Но если вы допустите хотя бы одну процессуальную ошибку... Если хоть одна цифра в вашем отчете окажется неподтвержденной, если вскроется хотя бы намек на то, что вы использовали данные Марка Дмитриевича или пытались сфальсифицировать выводы ради обеления отца — я лично вычеркну ваши материалы из дела. И Ратников уничтожит вас в суде. Второй попытки у вас не будет. Вы меня поняли?

— Предельно четко, Ирина Борисовна.

— Вот и отлично. Работайте.

Она кивнула и вышла из зала, оставив меня одну у огромного панорамного окна.

Я подошла к стеклу, прижавшись лбом к холодной гладкой поверхности. Внизу, на Садовом кольце, сустились крошечные машинки, спешили люди, падал редкий, почти невидимый мокрый снег.

— Вера.

Я не вздрогнула. Я знала, что он не ушел.

Марк стоял позади меня, в нескольких метрах. Он не приближался, помня о дистанции. Его отражение смутно двоилось в темном стекле рядом с моим.

— Ты была великолепна, — тихо сказал он. В его голосе звучало странное смешение боли и искреннего, немного восхищения. — Ты размазала Ратникова его же собственными аргументами.

— Я защищала проверку, Марк Дмитриевич, — ответила я собственному отражению, не поворачивая головы. — Не вас. И не наш брак.

— Я знаю, — глухо отозвался он. — Я... я хотел вмешаться. Когда он начал говорить про твоего отца...

— Если бы вы вмешались, вы бы уничтожили меня, — перебила я его холодным, ровным тоном. — Вы бы доказали, что за моей спиной стоит ваш капитал. Мне не нужны ваши рыцарские жесты. Мне нужна работающая процедура. Вы подписали самоотвод. Вот и держите его.

Марк замолчал. В стекле я видела, как он опустил голову.

— Письмо банка пришло пять минут назад, — произнес он после долгой паузы. — Юристы кредитора подтвердили: регламент принимается. Они согласны на твою работу в качестве старшего аналитика при условии независимого перепрочтения Нестеровым. Кредитная линия не заморожена. Проверка продолжается.

— Спасибо за информацию, — я повернулась, обошла его по широкой дуге, даже не взглянув в лицо, и взялась за ручку двери.

— Вера, — окликнул он меня снова. В его голосе прорвалась та самая, невыносимая человеческая мольба, которую он так тщательно прятал под маской председателя: — Тот расход в моем фонде... от восемнадцатого апреля...

Моя рука замерла на металле ручки. Сердце болезненно пропустило удар.

По тому, как он заговорил о расходе от восемнадцатого апреля, стало ясно: он понял, что я увидела эту строчку в раскрытии.

— Мы договаривались, Марк Дмитриевич, — я медленно повернула голову, окинув его ледяным, чужим взглядом. — Личные разговоры — только по моей инициативе. У меня этой инициативы нет. До свидания.

Я толкнула дверь и вышла в коридор.

Седьмой день заканчивался. Личный кризис стал корпоративным оружием, но мы выбили это оружие из рук Ратникова и загнали конфликт в жесткие рамки протокола.

Проверка выжила. Она продолжала дышать — независимо от воли генерального директора, независимо от миллиардов Марка и независимо от той невыносимой боли, которая с каждым днем все сильнее сжимала мне горло.

Впереди было сорок дней. И запертый архив, ключ от которого мне еще только предстояло найти.

## Глава 7

### *Вера*

Время в финансовой проверке имеет особый вес. Для большинства людей сорок пять дней — это просто полтора месяца: время, за которое можно привыкнуть к новой стрижке, дожидаться смены сезона или запланировать отпуск. В нашей профессии сорок пять дней — это тикающий таймер бомбы, где каждая минута задержки ответа на служебный запрос оплачивается миллионами рублей штрафных санкций и нарастающей паникой кредитора.

Прошло чуть больше недели с того момента, как мандат наконец скрепили подписями.

Я переехала из безликого отеля в маленькую однокомнатную квартиру на Соколе — в трех кварталах от нашего с Марком прежнего дома. Я сняла ее через знакомого риелтора за один вечер, заплатив за два месяца вперед со своей личной зарплатной карты. Здесь пахло старым дубовым паркетом, выцветшими обоями и чужой, прожитой жизнью. В углу комнаты стоял мой единственный чемодан, из которого я даже не стала выгружать все вещи. На кухонном подоконнике притулилась электрическая турка, пара яблок и пачка овсяных хлопьев.

Я возвращалась туда только спать. Шесть часов тяжелого, беспамятного сна под чужим шерстяным пледом — и снова в холодную ноябрьскую сырость, к сверкающей громаде башни.

Марк держал слово. Он не появлялся на моем этаже. Не звонил. Не присылал сообщений. Служба безопасности холдинга выстроила между нами глухую, непреодолимую стену из электронных разграничений. Его имя теперь фигурировало только в официальных протоколах канцелярии совета директоров, неизменно сопровождаясь одной и той же сухой фразой: «Председатель совета директоров Тихонов М.Д. участия в голосовании и обсуждении не принимал в связи с заявленным самоотводом».

Он был там, наверху, под самой крышей. Я видела его машину на подземной парковке — черную строгую иномарку представительского класса с номерами, которых я раньше никогда не видела, потому что дома он всегда садился за руль нашей старенькой «вольво». Каждый раз, проходя мимо этого чужого, лоснящегося автомобиля, я чувствовала, как внутри тупо ноет под ребрами. Словно под кожей осталась заноза, которую невозможно вытащить.

Но горевать было некогда. Время таяло.

В пятницу утром нас с Нестеровым наконец вызвали в архивную службу на двадцать восьмой этаж.

После того как Ирина Воронцова лично передала генеральному директору протокол комитета по аудиту с одобренными банком мерами защиты, у Ратникова не осталось законных оснований держать замок. Он мог тянуть время, мог заставлять своих юристов выверять каждую запятую в регламенте передачи данных, но открыто сорвать доступ означало расписаться перед кредитором в саботаже.

Архивариус Гусев ждал нас в маленькой изолированной комнате без окон, прямо напротив бронированной двери серверной.

На низком металлическом столе стоял массивный серый монитор устаревшей модели, подключенный к отдельной рабочей станции. Рядом лежал толстый журнал в коленкоровом переплете и пластиковый футляр с электронным ключом-токеном. В комнате дежурил сотрудник службы информационной безопасности — молчаливый молодой человек в черном свитере, непрерывно крутивший в руках бейдж.

— Проходите, присаживайтесь, — Гусев даже не поднялся нам навстречу, лишь поправил свои чудовищные очки в роговой оправе. — Регламент подключения согласован юристами обеих сторон. Терминал автономный, подключен к закрытому сегменту. Второй ключ доступа мы получили сегодня в семь утра от независимого внешнего хранителя.

Павел Нестеров положил на стол наш экземпляр разрешения: — Нам нужен прямой доступ к таблицам контрагентов и журналам проводок за третий и четвертый кварталы две тысячи десятого года.

— Вы получите доступ только в режиме чтения, — сухо напомнил архивариус. — Никакого копирования на внешние накопители. Выгрузка отдельных журналов — только в специальный защищенный формат с цифровым водяным знаком проверки. И учтите, Вера Сергеевна... — он впервые поднял на меня тяжелый, немигающий взгляд из-под стекол. — Этот массив — так называемый слепок L-2013. Он создавался при переходе холдинга на новую систему учета тринадцать лет назад исключительно для фиксации спорных активов старого судебного процесса.

— Я знаю, что такое слепок спорных активов, — спокойно ответила я, садясь на жесткий офисный стул перед терминалом.

— Это значит, что базы здесь не полные, — с нажимом произнес Гусев. — Часть первичной бухгалтерской документации осталась на бумажных носителях на старых заводских складах и давно уничтожена по истечении пятилетнего срока хранения. Здесь собраны только те карточки, договоры и проводки, которые тогда затребовали внешние аудиторы и конкурсные управляющие. Если какого-то документа в системе нет, это не значит, что его украли. Это значит, что его просто не сочли нужным оцифровывать при миграции.

— Мы будем оценивать только то, что сохранено и имеет цифровую подпись системы, — вмешался Нестеров. — Приступайте, Вера.

Сотрудник безопасности вставил синий токен в разъем, быстро ввел длинный шестнадцатизначный пароль и отступил на шаг, скрестив руки на груди.

Экран мигнул, сменив заставку.

Передо мной открылся архаичный интерфейс финансовой системы середины двухтысячных: серые диалоговые окна, угловатые шрифты, мелкие таблицы без привычной цветовой разметки. Система пахла цифровой пылью. Это было кладбище чужих решений, где миллионы рублей лежали неподвижными, окаменевшими строками.

Мои пальцы легли на клавиатуру.

Я вбила в поисковую строку название компании, адрес которой не давал мне покоя с четвертого дня проверки: Выборг, улица Промышленная, дом 12, строение 4.

Система глухо застрекотала старым жестким диском, считывая кластеры законсервированного образа базы. Полоса загрузки ползла мучительно медленно. Пять секунд. Десять. Двадцать.

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как натужно гудит вентилятор охлаждения под столом. Нестеров стоял у меня за спиной, опершись ладонями о спинку стула. Я чувствовала, как напряглось его тело.

Экран обновился.

На сером поле всплыла таблица контрагентов холдинга «Северный Контур» за 2010 год.

Шесть компаний, зарегистрированных по одному и тому же выборгскому адресу. Среди них — общество с ограниченной ответственностью «Северный Ресурс-Снаб».

Тот же юридический адрес. Тот же профиль деятельности: поставка промышленного оборудования для прокатных цехов. Тот же самый типовый договор поставки с правом стопроцентного авансирования без предоставления банковской гарантии.

Шестнадцать лет назад эта фирма получила от «Северного Контура» первый транш в размере ста сорока миллионов рублей. А через месяц после перечисления средств растворилась в воздухе, оставив после себя фальшивые товарные накладные на поставку гидравлических насосов, которые так никто никогда и не привез на завод.

Именно эти сто сорок миллионов легли в основу уголовного дела, разрушившего жизнь моей семьи.

Я сглотнула горькую слюну и дважды щелкнула мышью по номеру спорной платежной карточки.

На экране развернулась полная карточка проводки: дата, сумма, корреспондирующие счета, шифр валютной операции. В нижней части формы располагался блок согласований — цепочка цифровых отметок, подтверждавших, что платеж прошел все уровни внутреннего финансового контроля перед тем, как платежное поручение ушло в банк-корреспондент.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.